

Бессонница

Сексуальный Проступок
Книга 1

Бетани Бейзил

Я был слишком самоуверен, напорист, контролирующий, и меня это устраивало. Что я не мог контролировать, так это мои сны. Там меня преследовали воспоминания.

Даже после более чем десяти лет, я обнаружил, что не могу от них убежать. Возвращаясь на место, где они обитали, казалось, только провоцировало обвал. Я не мог сосредоточиться, не мог уснуть. Некоторые люди выпивали чашку теплого молока, обнимались с книгой, или опрокидывали парочку шотов.

Я?

Я трахался, и это было моим способом уснуть.

Каждую ночь, я терял себя внутри киски. В течение долгого времени это было единственным способом, который я знал, чтобы уснуть. Но это становилось все менее и менее эффективно. Я спал меньше времени, прежде чем начинались сны.

Была только одна надежда против моей бессонницы, и она была сексуальной, умной и неожиданной. Я хотел опустошить себя на её сексуальное тело, и позволить ей облегчить мой сон.

Единственная проблема...она была моим врачом, и я должен буду сломать её кодекс поведения и полностью подкупить, прежде, чем сделать своей.

Переводчик: *SvetlanaLocstanova*

Редактор: *Соня Бренер*

Вычитка: *Оксана Казанович*

Обложка: *Светлана Светлова*

Бессонница

Ксандер

Было горячо, так горячо, что я чувствовал пламя, лизавшее мою плоть, капельки пота, катившиеся по моей коже, и сухой жар, обжигающий мою глотку. Я был у врат ада, без видимого спасения, цепляясь за дверь окровавленными пальцами и липкими ладонями.

Я облажался. Я позволил своему гневу и чувству разочарования повести меня по темной дороге. Не существовало ни какого чертового яркого света в конце этого пути. Не было молитвы, которая отвела бы меня в лучшее место. Единственным выходом была смерть, или еще худшая судьба...*Выживание*. Жизнь, с разрушением, которое я устроил, будет нелегкой.

— *Ксандер*.

Она зовет меня. Она всегда это делала.

— *Ксандер!*

Я хотел еще один, последний, шанс поговорить с ней, но время подходило к концу.

— *Ксандер!*

Я резко принял вертикальное положение. Сидя голым в постели, я ощущал на своей коже, покрытой потом, прохладу работающего в комнате кондиционера, но я все еще был в огне. Мое сердце колотилось так, будто я убегал от смерти, осознавая некую безумную ошибку.

Это был всего лишь сон.

Я избегал своих кошмаров, но никогда не отгонял воспоминания. Возвращение домой было необходимостью, но оставаться здесь, было ошибкой. Единственной причиной, почему я все-таки задержался дома на шесть недель, была моя мама. После потери отца она расклеилась. Казалось, что она в порядке, но я знал, что ей необходимо мое присутствие рядом с ней.

— Ты в порядке? — Спросила Габриэлла.

Я посмотрел на нее, в замешательстве сузив глаза.

— Почему ты еще здесь?

Она улыбнулась. Простыня, которую она прижимала к груди, упала.

— Не будь таким, Ксандер. Если бы я не осталась, кто бы тогда разбудил тебя? Тебе приснился кошмар.

Она провела рукой от моего плеча к груди.

— Ты должна уйти.

Я страдал от пульсирующей головной боли, и был на грани. Последний человек, с которым я сейчас хотел бы иметь дело, была Габриэлла.

— Ксандер... — Она произнесла это тем плаксивым голосом, который заскрежетал по моим нервам, как мел по доске. — Твои руки дрожат, твое сердце бьется со скоростью миля в секунду, и ты никогда не спишь. Позволь мне помочь тебе расслабиться.

— Я сплю.

— Нет. Каждый раз, когда я здесь, это повторяется.

— Если бы ты уехала, как и предполагалось, то тогда мне не пришлось бы иметь дело с тобой, копающейся в дерьме, которое тебя совершенно не касается.

Я рукой потер усталые глаза.

— Я могу помочь тебе.

— Ты уже это сделала. Было здорово. Теперь иди домой.

— Нет, я имею ввиду... Я знаю кое-кого, с кем ты сможешь поговорить.

Я посмотрел на нее, сузив глаза. Мой гнев нарастал, и уже через несколько секунд, я готов был выбросить её задницу вон.

— Ты думаешь, что я ёбнулся?!

— Нет, это не то, что я имела в виду... Доктор Шоу изумительно помогает людям с похожими проблемами. Я раньше была у нее. Просто поговори с ней и, возможно, она сможет помочь тебе вернуться к нормальному сну.

— Нет... все хорошо.

Я потянулся рукой к своим волосам, зажмурился и вздохнул. Я был сверхконтролирующим придурком. Люди приходили ко мне за советом по бизнесу. Я был актером, но выглядел, как продюсер. У меня не было нужды сидеть на диване у какой-то психиатрички и плакаться ей на свои проблемы. Мне нужно было поспать. Я мог контролировать все. Единственное, над чем я не имел власти — это отключение своего мозга во время сна. Когда я бодрствовал, я складывал все в коробку и запихивал ее в дальний угол моего сознания. Но, как только я закрывал глаза, эта коробка падала с полки и, с сокрушительным ударом, вываливала на меня все содержимое.

— Детка...просто...

— Я не твой гребаный ребенок! Я тебе никто! У нас есть соглашение, Габриэлла. Ты приходишь сюда пару раз в неделю, мы трахаемся, потом ты убираешься отсюда. Если

продолжишь и дальше лезть в мою жизнь, то ты быстро вылетишь из нее.

Я сбросил простыню и свесил свои ноги с кровати.

Я встретил Габби пять недель назад в местном стрип-клубе. Она была именно то, что нужно — для быстрого траха без привязанности, но в последнее время она стала немного слишком навязчивой.

Она остановила меня, положив руку мне плечо. Ее грудь прижалась к моей спине, когда она подвинулась ближе, нагнувшись к моему уху.

— Мне очень жаль.

Она провела рукой по моим ребрам и дальше вниз по моему животу.

— Позволь мне помочь тебе забыться, помочь уснуть.

Ее рука обернулась вокруг моего члена, который начал быстро твердеть. Тем не менее, это было проблемой.

Мне нужно было *поспать*, а истощение от секса всегда заставляло меня уснуть. Но сны, которые ожидали меня, были последней вещью, которую я бы желал.

Габриэлла соскочила с кровати и опустилась передо мной на колени. Ее рот был действительно хорош в двух вещах: трахать меня и вытягивать из меня невероятный оргазм. Я намотал ее волосы на руку, когда она головой развела мои бедра в сторону.

Я смотрел вниз, наблюдая за ее губами, обернутыми вокруг моего члена. Ее голодный взгляд был зафиксирован на моем лице. Я начал толкаться членом у нее во рту. Она лизала и сосала меня, как профессионал, и сексуально стонала. Да, она хотела этого, и я ей это дал. Жестко, быстро и страстно, в ее горло. Она все проглотила, когда я кончил ей в рот, затем выпустила меня с довольным хлопком, и я упал на кровать. Я насытился, но все еще немного беспокоился, когда она ушла в ванную.

Вернувшись, спустя несколько минут, полностью одетая, со своей сумкой на плече, она забралась на кровать и наклонилась, чтобы поцеловать меня.

— Сладких снов, — прошептала она, положив что-то на мою грудь, после чего прыгнула с кровати.

Я был рад. Она оказалась достаточно умной, чтобы уйти сейчас. Она и так уже достаточно далеко подтолкнула меня. Я вздохнул, так как понял, что все еще беспокоился по поводу ночи. Я пробежался, принял душ, и, еще пару часов проклинал все вокруг, прежде чем поехать провести свою маму.

Как только я услышал, как Габриэлла захлопнула дверь моей квартиры, то взял листок бумаги, который она оставила, и понял, что она все-таки еще не закончила подталкивать меня.

Она оставила визитку.

Доктор Эйвери Г. Шоу

Сертифицированный комитетом психиатр.

Специализация по психотерапии.

Я смотрел на карточку в течение пяти минут, играя в своей голове в перетягивание каната. Я не знаю, что было хуже — признать, что мне нужна психиатрическая помощь, или жить с этим вечно изматывающим недостатком сна. В итоге, я понял, что не могу больше так функционировать. Визитка была моим спасением, не зависимо от того, как я посмотрю на это. Если я правильно понял, эта доктор Шоу может выписать мне что-то такое, чтобы я

смог хотя бы быть в состоянии работать, без сводящего с ума чувства бессонницы, изматывающего меня. Независимо от того, нравилась ли мне Габриэлла или нет, думаю, она знала, что мне необходимо. Я схожу к доктору Шоу, и возможно...просто может быть, у нее будет способ для борьбы с моим прошлым.

Непрофессиональная приманка

Ксандер

Я бы лучше поговорил сам с собой, не контактируя с доктором Шоу. Разрыв с прошлым ужасал меня, и, вероятно, это послужит лишь увеличению количества снов и бессонницы.

Три дня спустя я остановился, чтобы забрать чашку кофе из любимого кафе моей матери. Я припарковал свою машину на улице и, пройдя уже половину пути, вдруг услышал резкий звук заноса покрышек, который привлек мое внимание. Крупногабаритный грузовик чуть не столкнулся с другой машиной, а потом двинулся дальше. Когда я повернул обратно к кафе, мой взгляд упал на синюю вывеску через дорогу, на которой было написано: ***Оазис. Психиатрический центр.***

Я быстро достал визитку, которую положил в бумажник несколько дней назад. Логотип и адрес соответствовали. Все указывало мне на доктора Шоу. Я пересек улицу и вошел в холл кирпичного здания. Торопливо просмотрев справочник, я нашел ее имя в списке четвертого этажа, вместе с доктором Мэтью Эвансом.

И я пошел, потому что всегда замечал, что я меньше думаю, когда двигаюсь. Пребывание в лифте заставляло меня пересмотреть свое решение и проверить доктора.

Протолкнувшись в двойные стеклянные двери, я встретился с пожилой женщиной с седыми волосами. Она пристально посмотрела на меня, явно узнав. Я заметил справа дверь с табличкой доктора Эванса, а слева была дверь доктора Шоу.

— Добрый день. Э-э... мистер Пирс... Чем могу вам помочь?

— Доктор Шоу здесь?

— Э-э... да, но подождите... — крикнула она мне вслед, когда я направился к двери доктора Шоу. Не знаю, что со мной было не так, но мне нужно было попасть в тот кабинет, прежде чем я изменил бы свое решение. Я ощущал странное притяжение, будто это было местом, где я смогу найти освобождение от воспоминаний.

Я толкнул дверь и замер. Секретарша заявила:

— Вы не можете просто так туда войти.

Сначала я подумал, что ошибся кабинетом. Женщина, сидевшая за столом, оторвала взгляд от своего телефона, и мое тело отреагировало моментально. Ее рыжие волосы были затянуты в тугий профессиональный пучок, который сделал черты ее лица гораздо выразительнее. И когда она посмотрела на меня... ее глаза были потрясающего голубого цвета. Она окинула меня оценивающим взглядом. Я еще никогда не становился настолько твердым от простого взгляда женщины.

Теперь, если только она встанет, я смог бы увидеть, такое ли у нее тело, которое предвкушал мой член.

Эйвери

— Мэттью, у меня встречи одна за другой всю неделю, и я не хочу...

— Эйвери, пожалуйста, это очень важно для меня... для нас. Мы сможем пообщаться со

многими людьми. Это может повести за собой новых пациентов.

— Я знаю, — вздохнула я, потирая рукой глаза.

— Но...

— Мы останемся лишь на пару часов, я обещаю.

Он знал, что я сделаю это, потому что несмотря ни на что я всегда сдавалась.

Он только позволял мне вставлять словечко, и тем не менее мы понимали друг друга. В конце концов, он мой лучший друг, деловой партнер и экс-бойфренд.

— Хорошо, два часа и... — дверь в мой кабинет распахнулась, и я удивленно посмотрела, широко раскрыв рот, на человека, стоявшего в дверном проеме.

— Спасибо, детка. Два часа, я обещаю, — громко проговорил Мэттью, в то время как я смотрела на невероятно горячего незнакомца, ворвавшегося в мой кабинет. Я закончила звонок, положив трубку телефона на свой стол, и продолжала смотреть на него.

Он был великолепен.

Но не так красив, когда вы рассматриваете его с другого конца комнаты, и я быстро решаюсь подойти, с мимолетной улыбкой и робким заинтересованным взглядом. Он из тех людей, которые заставляют ваше сердце сильно биться, вызывают трепет в животе и быстро, одним взглядом, разжигают возбуждение. Очарованная, я поднимаюсь со своего места и обхожу вокруг стола, чтобы приблизиться, убедиться, что мои глаза не разыгрывают меня. Они этого не делали.

Одет он был в беговые шорты и серую футболку, которая обтягивала его мускулистое тело. Его волосы были в сексуальном беспорядке. Он был прекрасно сложен, с широкими плечами и накачанными руками. У него были узкие бедра, и, я думаю, без футболки он имел бы потрясающий вид, тело, которое я захотела бы боготворить своим языком.

Боже, что со мной не так? Я была так потеряна в его физической оценке, что не поняла, насколько он был доволен моей явной демонстрацией этой оценки. Ухмыльнувшись, он приподнял бровь, как бы говоря: *Хочешь этого? Добейся!*

— Могу ли я вам чем-то помочь? — спросила я, скрестив руки на груди. Мой секретарь с обеспокоенным лицом суетливо двигалась позади мужчины.

— Мне очень жаль, доктор Шоу. Я пыталась объяснить, что ему нужно записаться, но... — она подняла руки, как будто бы он выбросил ее из приемной, и я все поняла. Мужчина был высоким, мускулистым, с неистовым выражением.

— Всё в порядке, Анжела. Я позабочусь о нем.

Она посмотрела на него, потом снова на меня.

— Анжела... — я приподняла бровь, и она, наконец, вышла из кабинета. А он наблюдал через плечо, как захлопнулась дверь, затем повернулся ко мне.

— Что я могу для вас сделать?

Я пошла обратно к столу, чтобы создать дистанцию и прекратить таращиться на мужчину. Он сделал шаг вперед, и, посмотрев на меня с любопытством, спросил:

— Вы Эйвери?

— Доктор Эйвери Шоу.

Он покачал головой с выражением на лице, которого я не ожидала.

— Я хочу, чтобы вы мне дали что-нибудь для сна.

— Что-нибудь для сна?

Он наклонился ко мне ближе, прижав ладони к отполированной поверхности рабочего стола из красного дерева.

— Рецепт... таблетки — то, что вы, врачи, выписываете.

Выпрямив руки, я едва не рассмеялась над ним. Мне знаком этот тип мужчин: доминирующий, нахальный, думающий, что он может командовать всеми вокруг.

Кем, черт возьми, он думал, я была? Уличным торговцем наркотиками?

— Вы не можете спать?

— Если бы я мог заснуть, я бы попросил вас дать мне что-нибудь такое, что поможет сделать это?

— Итак, мистер?..

— Пирс... Ксандер Пирс, — произнес он медленно, как будто разговаривал с бестолковым ребенком. Увидев озадаченное выражение на моем лице, он улыбнулся и протянул руку. Я уставилась на нее, затем снова посмотрела ему в лицо. Глаза, тогда, из другого конца комнаты, мне показались серыми, а сейчас, вблизи, оказались слегка зелеными. Они казались почти прозрачными. Их красота захватила и удерживала мой взгляд. Этот напряженный взгляд поглощал меня, и было такое ощущение, что он проникает в глубины, читая мои мысли — проявляя свое воздействие на меня.

Я медленно протянула руку, опасаясь возникновения контакта с ним, когда его большая рука обхватила мое запястье. Попытка быстро высвободить руку обратно провалилась, он крепко ее удерживал. Подняв глаза, я встретилась с ним взглядом. Между нами проскочил горячий поток. Затем его губы изогнулись в улыбке, небольшой, но достаточной, чтобы показалась пара сексуальных ямочек. Как будто у мужчины и так не было достаточно оружия.

Он безусловно был игроком, трахающим девиц и бросающим их, разрывающим трусики и заставляющим запомнить себя. Мне нужно спрятаться в укрытие, потому что в его глазах загорелся интерес. Я выдернула свою руку и прочистила горло.

Если бы на моем лице отразилось хоть что-то, что он заставил меня почувствовать, он бы выиграл.

— Итак, мистер Пирс, если вы хотите, чтобы я помогла вам с вашей бессонницей, то вы должны будете записаться на прием.

Покачивая головой, он выпрямился и скрестил руки.

— Мне просто нужно что-то для сна. Я не хочу сидеть в кресле, пока вы пытаетесь заставить меня рассказать обо всех моих ужасных и темных тайнах.

— Я специализируюсь на психотерапии, и, судя по тому, как вы тут бушевали, вы человек нетерпеливый.

Я наклоняюсь над столом, копируя его позу.

— Но если вам нужна моя помощь, вы запишитесь на прием, как и все остальные. Вы придете сюда, сядете в это кресло, или на этот диван, или даже на пол, если вам там будет удобно. Я же тем временем буду сидеть в своем кресле и копать в темных закоулках вашего мозга так глубоко, чтобы увидеть то, что заставляет вас смеяться, плакать, кричать, и даже то, что является вам ночью. Если же ваша проблема не решится, тогда мы обсудим лекарственную терапию.

Я выпрямилась, села в свое кресло и разгладила юбку.

— Я не плачу. И не кричу. Почему вы так все усложняете, мисс Шоу?

— Доктор Шоу. И только вы усложняете это, мистер Пирс.

Я облокотилась о стол и сложила руки. Очевидным было то, что я должна подобрать к нему другой подход.

— Как, по вашему мнению, я должна буду бороться с демонами, которые являются вам по ночам, если не вооружена для боя? Мне нужно узнать о них все, прежде чем я смогу помочь избавиться от них.

Я знала, что самодовольно улыбалась, но несколько не волновалась по этому поводу. Я люблю хорошую битву умов, и то, что Ксандер Пирс оказался королем своего мира, не означает, что я преклонюсь перед ним.

Он снова наклонился над моим столом. Необходимо ли этому мужчине быть настолько близко ко мне? Потому что он был здесь уже минут пять и находился большую часть этого времени над моим столом.

— Вы думаете, что вы держите меня за яйца, не так ли? Что ваш кулак сильно сжался вокруг моего члена? Я уверен, что смогу найти тут много других врачей, которые дадут то, что мне нужно.

Я закатила глаза и усмехнулась. Он пытался спровоцировать меня своей грубой пошлятиной. Быть может, он думает, что я дам ему то, что он хочет, только бы не иметь дело с его непристойным поведением.

Я встала и наклонилась к нему. Глаза в глаза, наши носы находились в дюйме друг от друга.

— Уверяю Вас, я несколько не заинтересована в вашей головке *там*, но я могу поручиться за вашу головку, *здесь*... — я постучала пальцем по его лбу и облизала губы, будто температура в комнате увеличилась.

— Я буду сосать ее до тех пор, пока она не выплеснет наружу те вещи, о которых вы и не подозреваете.

Его глаза потемнели от похоти, и он приподнял бровь в изумлении. Я только хотела перенаправить его намеки на него же, но сексуальная энергетика в кабинете выросла настолько, что мой учащенный пульс отдавался в ушах. Он наклонил свою голову, и я испугалась, что он придвинется и попытается поцеловать меня. Еще больше я испугалась того, что позволю ему это.

Он улыбнулся, а затем облизал губы. Я проследила за медленным соблазнительным движением его языка, сдерживая свою жажду последовать за ним. Потребовалось некоторое усилие, но я все-таки нашла в себе силы отойти. Я сняла пиджак, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, мне было необходимо взять себя в руки. Перекинув его через кресло, я повернулась к нему.

— А вы мне нравитесь, мисс Шоу.

— Доктор Шоу.

— Вы уверены, что не можете втиснуть меня в свой график сегодня? Насколько спокойно вы будете спать в своей кровати сегодня ночью, зная, что я буду ворочаться в своей?

— Ход чувством вины не сработает.

Я печально покачала головой.

— Вы знаете, доктор Шоу, что обычно мой способ уснуть — это просто трахнуться. Может быть, вы могли бы пригласить меня в свою постель. Что-то типа... изучения способов засыпания.

Хмм... Дьявольский огонек в его глазах подсказал мне, что сон был последним, чем он хотел бы заняться в моей постели.

— Я не позволила бы вам видеть мою кровать, даже в ваших снах.

Он улыбнулся. Я не смогла не улыбнуться в ответ, поскольку меня восхищала небольшая ямочка, которая появлялась на его правой щеке.

— Вы победили, доктор Шоу... в этот раз.

Он развернулся и вышел из кабинета не оглядываясь.

Я плюхнулась в кресло и испустила разочарованный выдох. Принять его в качестве пациента будет явной ошибкой, особенно с влечением, которое появилось между нами. В краткой близости с этим человеком я определенно почувствовала, что моя оборона слабеет. Ситуация была катастрофической. Я или должна буду быть обманутой, или самой обманывать. Но профессионально... Последнее было не вариантом.

Голоса в моей голове

Ксандер

Я не знаю, почему я позволил своей матери уговорить меня на это. Я думал, что оставил подобное в Калифорнии.

Единственная хорошая вещь во время моего пребывания дома заключалась в том, что я был недостаточно известен, что позволяло мне чувствовать себя обычным человеком. Нет таких известных людей, жизнь которых не оценивалась бы каждый день.

Прийти на прием было одолжением не только моей матери, но и моему отцу, который скончался шесть недель назад. В свое время в этом городе мой отец стал столпом. За двадцать лет он проделал путь от прокурора до мэра, а затем и до сенатора.

Его внезапный сердечный приступ наложил на государство обязанность заменить его. Праздник, который он устроил десять лет назад, будучи сенатором, теперь стал ежегодным. Мама была пока не готова появиться на публике даже со мной, уверенным в себе сыном, но это было моим долгом — представлять семью и, самое главное, моего отца.

Когда я стоял в толпе среди всех этих людей, которые раньше общались с моим отцом, я слышал его голос, прозвучавший у меня в голове.

"Ксандер, ты не можешь продолжать прятаться. Я не смогу больше прыгнуть в самолет и прилететь к тебе. Когда ты вернешься домой?"

Я встряхнул головой, чтобы почистить свои воспоминания. Джонатан Пирс был силой, с которой нельзя не считаться. Он был ярим противником, преданным мужем и более чем потрясающим отцом, чего я не заслуживал. Появление в этом городе было способом искупить мое долгое отсутствие.

— Твоя мама скучает по тебе, — сказал он мне во время одного из своих еженедельных звонков.

Молчание. Я всегда молчал, когда он говорил о моем возвращении домой.

— Ксандер?

Я вздохнул:

— Да, папа?

— Я все уладил для тебя. Разве не это я всегда делал? Что еще мне нужно сделать, чтобы ты приехал домой? Скольким мне еще потребуется пожертвовать, чтобы ты появился? Даже если всего лишь проездом.

Отмотать бы время назад и сделать так, чтобы я никогда не был таким эгоистичным идиотом.

Говорят, что любовь родителей — это величайший дар. Для меня это было и даром, и проклятьем. Они вложили в меня свои души. Любили меня и дали все лучшее, чтобы я

чувствовал себя непобедимым. Все, что бы я ни захотел в этом мире, могло быть моим. Я был нравственно испорченным, и это точно соответствовало тому, что я до сих пор не мог понять: как избавиться от темной дыры внутри меня, которая заставляет хотеть взять то, что я желаю, и сделать что угодно, чтобы это принадлежало мне. Единственное, что я унаследовал от своих родителей — это их способность к любви. Они любили великодушно. Но я? Я любил жестоко. Опасная любовь, которая из-за моего гнилого эгоизма создала темное желание сохранить то единственное, на чем я был сосредоточен.

— Любовь заставляет нас делать ошибки, Ксандер. Когда ты начнешь прощать себя?

Блять, мне нужно выпить.

Трезвость не работает на меня сегодня вечером. Было похоже на то, как будто призрак моего отца витал в комнате и нашептывал мне что-то на ухо. Он был моим вторым крупнейшим сожалением в жизни, и это только прибавлялось к темному бременю, которое я носил с собой.

Пребывание в этом городе было нелегким, но это было моим искуплением, моим извинением перед отцом, чтобы быть достаточно храбрым для борьбы со своими призраками, и приехать домой, потому что он этого очень хотел.

— Ксан, — голос моего отца вновь прозвучал в моей голове.

— Да, папа, — прошептал я вслух, совершенно не заботясь о том, что кто-то мог заметить, как я разговариваю сам с собой. К черту. Я и так собирался пойти к психиатру, так что могу впасть и в полное безумие.

— Все изменится для тебя. Когда ты найдешь то, что ищешь, тебе придется упорно бороться, чтобы удержать это.

— Я ничего не ищу, папа, — ответил я.

— Ты всегда искал. Мама и я всегда знали, что твоя любовь слишком сильна для тебя. Когда ты любил кого-то, то любил всепоглощающе, без какой-либо защиты. Я знаю, ты закрыл эту часть себя давным-давно, но в один прекрасный день ты снова откроешься.

И снова быть жалким? Я так не думаю.

— Ты просто должен верить в себя, Ксан. С тебя и так достаточно. Ты заслуживаешь того, чтобы двигаться дальше, сынок. Заслуживаешь того, чтобы быть любимым. Ты ведь знаешь, что мы любим тебя несмотря ни на что, не так ли?

Эмоциональный комок размером с шар для гольфа застрял у меня в горле, что мешало мне ответить. Я кивнул головой, хотя он не мог этого увидеть.

— Ты найдешь того, кто тоже будет тебя любить несмотря ни на что.

Той ночью я повесил трубку, не сказав ни слова. «Нет, я люблю тебя, папа». «Спасибо, папа». Или просто «До свидания, папа». Если бы я тогда знал, что это был последний раз, когда я слышал его голос, я бы сказал ему все это. Я бы освободился от обиды перед единственным человеком, остававшимся на этой земле, кто бы меня понял.

Я подошел к бару и заказал себе стакан воды, потому что, будем откровенны, я уже начал разговаривать с призраками. Мне не нужен был алкоголь, чтобы вызвать галлюцинации. Я решил выйти наружу, на свежий воздух, потому что чувствовал, что воспоминания о моем отце душат меня в этой комнате. Я стоял в беседке в глубине сада, где, я думал, меня никто не увидит. Спустя двадцать минут мне пришлось принять участие в разговоре с двумя людьми, случайно зашедшими сюда ко мне, после чего я понял, что уйду рано.

Когда я вышел в холл, вспышка рыжих волос привлекла мое внимание. Может быть, мой

разум все еще разыгрывал меня, но если доктор Шоу действительно находилась здесь, то я должен был найти ее. Мне сразу же расхотелось домой, и я сосредоточился на ее поиске.

Признание поражения

Эйвери

— Эйвери, дорогая, ты как всегда выглядишь прекрасно, — сказала Тереза Ричардсон, расцеловав меня в обе щеки. Ее приторная улыбка заставляла мой желудок выворачиваться наизнанку, но, когда она начала болтать о своей новой любви, я нацепила аналогичную улыбку. Я никогда не чувствовала себя комфортно на таких приемах. Я была слишком успешной для того, чтобы общаться с домохозяйками, и недостаточно успешной для того, чтобы общаться с высококлассными предпринимателями. Мэтью болтал с мужем Терезы, так что я кивала и делала вид, что слушаю то, что она говорила. Не то, чтобы я не ценила ее благотворительную деятельность, я просто думала, что немного скромности ей не помешало бы. У меня есть слабость к тем, кто занимается благотворительностью и преуспевает в этом.

Я увидела официанта, проходящего мимо с подносом, уставленным бокалами, и подошла, чтобы прихватить один. Когда я развернулась к группе людей, то наткнулась на твердую стену мускулов и пролила половину бокала на чей-то смокинг.

— Мне так жаль...

Я быстро откопала в моей сумке платок и стала промокать с его, казалось бы, очень дорогой рубашки пролитый напиток.

— Мне так жаль, что я не увидела и...

— Все в порядке, доктор Шоу.

Этот голос заставил меня остановиться. При всем моем волнении я даже не подняла глаза, чтобы посмотреть, кто же был моей жертвой, но по знакомому тембру голоса все и так было понятно. Я посмотрела вверх и увидела Ксандера. Сегодня он был одет в черный смокинг, который подчеркивал его широкие плечи и жесткие бицепсы. Я не могла подумать, что он может выглядеть еще более ошеломляюще, чем тем утром. Он был безупречен. И хотя его волосы были взъерошены, я была уверена, что каждая прядь тщательно уложена, чтобы все выглядело именно так. Он с легкостью перешел от похотливого мачо в спортивной одежде до соблазнительно галантного кавалера в смокинге.

— Что вы здесь делаете? — прошептала я, как будто он следил за мной весь день, и у нас имелся какой-то общий грязный секрет. Если бы мы занимались чем-то таким, я бы запомнила все грязные вещи, которые я бы ему сделала — хотела бы сделать.

— Ты не говорила, что знакома с Ксандером Пирсом, — сказал Мэтью, присоединяясь к нам и обвивая своей рукой мою талию.

— Я и не знакома.

— Я думал, теперь мы стали друзьями, доктор Шоу.

— Мы — нет, — я покачала головой.

— Мэтью Эванс, бизнес-партнер Эйвери.

Мэтт протянул руку, и Ксандер пожал ее. Он посмотрел сначала на Мэтью, потом на меня. Я видела, что он пытается понять, действительно ли мы партнеры. Мэтт был красавчиком. Его новая стрижка «под-ежик», особенно с его волосами, только усиливала медовый оттенок его глаз. Какое-то время мы были больше, чем просто друзья, но это было много лет назад.

— Я пытался попасть на сеанс к доктору Шоу, но она была слишком занята. Или,

возможно, она не учла мой распорядок, так как засунула меня в самый конец списка.

— Это был не тот случай, мистер Пирс. У меня есть и другие пациенты, у которых были встречи, назначенные на многие недели вперед. Я не могу просто взять и отмахнуться от них, потому что вы этого требуете.

— Конечно, можешь, — Мэттью вскочил. Я посмотрела на него, будто он сошел с ума.

— Нет, я не мо...

— Простите нас, — Мэттью за руку оттащил меня на несколько футов от Ксандера.

— Да, ты можешь, — прошипел он сквозь зубы. — У нас завтра совместный обеденный перерыв. Что ж, перенеси его, и тогда ты сможешь встретиться с мистером Пирсом.

— Ты хочешь, чтобы я потратила свой обеденный перерыв на него? — я указала большим пальцем позади себя, одновременно посмотрев через плечо. Он стоял и смотрел на нас со скрещенными на груди руками и самодовольным выражением лица.

— Да. Это же Ксандер Пирс!

Я кинула на него безразличный взгляд и пожала плечами.

— Ксандер Пирс... Актер, обращенный в голливудского продюсера?

Я никогда не слышала о нем, но думаю, что он имел много общего со мной, ведь я в основном была сосредоточена на образовании и работе в течение многих лет.

— Ты серьезно, Эйвери? Ты должна знать больше. Не говоря уже о его отце, который был сенатором и в честь которого этот прием. Ты должна вписать его в свой график. Ты никогда не имела определенного представления. Мы можем стать врачами для целого сообщества актеров.

Я вздохнула, мое отчаяние росло.

— Я не могу поверить, что ты просишь меня признать поражение перед ним.

Меня действительно не заботило то, что он был знаменит. Мне нужно содержать фирму, потому что я не стояла еще твердо на земле, а он являлся зыбучими песками. Я посмотрела через плечо в его сторону. Он улыбнулся и приподнял напиток за меня со всепонимающим выражением лица. Да... он безусловно был зыбучими песками, и чем ближе я к нему, тем глубже я тону.

— Мы врачи. Мы помогаем людям.

Я знала, что Мэтт может застрять со своими рассуждениями на всю ночь. Его глаза сверкали и были полны решимости.

— Хорошо, — я закатила глаза и стиснула зубы.

— Вот это моя девочка, — он поцеловал меня в щеку и потащил назад к Ксандеру.

— Хорошие новости! У нее есть «окно» на завтра.

— Мне это подходит.

— Вообще-то, это не совсем так. Я отдаю свой обеденный перерыв, — с горечью добавила я.

— О... я не хочу, чтобы вы голодали.

По крайней мере, хоть кто-то был внимательней. Я посмотрела на Мэтта.

— Я принесу тебе обед.

Тьфу... Нееет.

— Увидите, все получится.

Мэттью улыбнулся, когда я посмотрела на него с раздражением. Я ненавидела, когда он добивался своего.

— Я оставлю вас, чтобы вы обговорили детали. Мистер Пирс...

Они оба протянули и пожали друг другу руки.

— Я надеюсь увидеть вас в скором времени.

— Позвольте поинтересоваться, он вам... — спросил Ксандер, посмотрев на уходящего Мэтта, — ... парень? — он кивнул в сторону Мэтта.

— А если я скажу, что да?

Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Это не остановит меня.

— От чего?

Я предполагала, что мы давно уже перестали ходить вокруг да около, т. к. оба знали, чего он на самом деле хочет от меня. Но, возможно, я смогу заставить его отступить, прежде чем его хищный взгляд превратится в дикий.

— Я думаю, вы знаете ответ, доктор Шоу.

Я посмотрела в его зеленые глаза, понимая, что негласное притяжение между нами было тем, в чем я могу потерять себя.

— Приходите завтра в час.

Я развернулась и пошла искать Мэтта. Его два часа прошли, и теперь, когда он бросил меня волку в пасть, мне необходимо было время, чтобы зализать свои раны, прежде мне снова придется пойти против него.

Сеанс

Ксандер

Волосы Эйвери опять были собраны в строгий пучок, без единого выбившегося локона, украшающего лицо. На прошлой неделе на приеме оно было в обрамлении элегантных локонов. Она притягивала меня, словно маяк людей в море, с тех самых пор, как я увидел в другом конце комнаты эти огненно-рыжие волосы. Я не знаю, что именно привлекло мое внимание в этом прекрасном докторе, но она определенно заинтриговала меня.

На прошлой неделе она отменила наш "обеденный" сеанс, потому что застряла в больнице. Либо она просто так сказала. Я знаю, она не получала удовольствия, уступая мне, поэтому я не хочу оставить в прошлом ее намерения отказаться от своих извинений.

Неделю назад я был уверен, что она войдет в мою жизнь. Я думал, что расскажу ей о своем состоянии, чтобы получить какие-нибудь таблетки и навсегда забыть о том, что я когда-либо встречал ее, но она застала меня врасплох. Ее вводящая в заблуждение утонченность, положила меня на обе лопатки, а потом она стояла на своем и вытаскивала из меня мое же дерьмо. Мне нравился блеск, исходивший от нее, который до сих пор излучал красоту. И ее находчивость. Более того, я это оценил. Она одна из тех женщин, которые попадают нечасто. Она не узнала меня и даже не хлопала глазами, когда ее партнер сказал ей, кто я, и это было занятно.

За минувшую неделю я лишился рассудка от мысли о ней, и это вытрахало мой мозг даже больше, чем недостаток сна.

Эйвери откашлялась, сдвинула свои очки и скрестила ноги. Это движение позволило ее юбке задраться на бедрах. Я очертил свои губы указательным пальцем, стараясь выяснить, пытается ли она соблазнить меня или же она просто не понимала, что выглядела слишком соблазнительной для профессионала.

— Вы готовы, мистер Пирс?

— Ксандер, — сказал я, но это вышло довольно грубо. Я знал, что она меня не услышит.

— Извините?

— Зовите меня Ксандер.

— Если это сделает вас спокойнее.

— Я далек от спокойствия, доктор Шоу, — я был расстроен, я устал, и, благодаря ей, мой член был твердым, и мне было просто необходимо трахнуться.

— Так сколько времени вы испытываете проблемы со сном?

— Некоторое время.

— Вы можете ответить более конкретно? — она постучала ручкой по подбородку.

— Стало хуже с тех пор, как я вернулся в город.

— Ну, потеря родителя может быть тяжелой для любого. Мои соболезнования по поводу утраты вашего отца.

— Речь идет не о моем отце. Однако неплохая попытка.

Я слегка наклонил к ней голову.

— Вы когда-нибудь раньше обращались за помощью?

— Нет. И я не нуждаюсь в помощи. Мне просто необходимо что-нибудь, что заставит меня уснуть.

— Вы же понимаете, что я навела о вас справки? Я знаю, кто вы.

Она нацарапала что-то в своем блокноте, прежде чем снова установить зрительный контакт.

— Я рассчитывал на это, — я улыбнулся и подмигнул ей.

Она нахмурилась и поморщилась. Значит, использование моей известности с ней не сработает.

— Так вы в самом деле думали, что я просто выпишу рецепт, зная, что вы выздоравливающий наркоман?

Мой кулак сжался, и настроение испортилось. Я откинул голову назад на несколько секунд и глубоко вздохнул. Чуть придя в себя, я напомнил себе не пререкаться с ней. Каждый думает, что знает тебя. Все тебя осуждают.

Я посмотрел ей в глаза. Ее взгляд был наполнен осуждением и отвращением.

— Вам не следует придавать большое значение тому, что вы прочли в журналах светской хроники, мисс Шоу.

— Доктор Шоу, — поправила она.

Я намеренно обратился к ней неправильно.

— Все врачи здесь судят о своих пациентах по тому вздору, который находят в газетных киосках? — я приподнял бровь.

Она заерзала в кресле, но ни разу так и не разорвала зрительного контакта.

— Сделаю выводы, мистер Пирс.

— Ксандер. И это замечательно. Каждый думает, что знает, каким я являюсь дерьмом, прочитав об этом в очереди в продуктовом магазине.

— Но я не так глупа, и...прошу прощения.

Я пожал плечами, взглянул на часы и провел пальцем по кольцу на своей правой руке. Я увидел, как она взяла конец ручки в рот, и это стало единственным, на чем я мог сосредоточиться. Я был абсолютно очарован тем, как она прикусила ее, вращая кончиком языка вокруг ручки. Иисус... я посмотрел туда, где моя сильно увеличившаяся эрекция натягивала мои джинсы. Я снова взглянул на часы, чтобы остановить воображение о том, как

мой член занимает место ручки у нее во рту.

— Вы спешите, мистер Пирс?

Я наблюдал, как она выпрямляет ноги, а затем снова скрещивает, немного ерзая в кресле. Ее чувственный соблазн взывал ко мне, и мне надоело ходить вокруг да около. У меня никогда не было проблем с выражением того, что мне нужно от женщины, я и собирался приступить немедленно.

Я встретился с ней взглядом напрямую, но она была слишком гордой, чтобы отвести взгляд, хотя и хотела это сделать.

— Ксандер, — снова поправил я.

— Что? — она сделала вид, что не расслышала меня, хотя ей было просто неудобно называть меня по имени.

— Если мне придется еще раз напомнить вам, чтобы вы называли меня Ксандер, то я уложу вас на стол и заставлю выкрикивать мое имя до тех пор, пока не добьюсь этого от вас.

Она смотрела на меня со слегка разинутым ртом и округленными глазами.

— Извините?

— Думаю, я ясно выразился.

Она отвела взгляд, уронила блокнот на стол перед собой и поднялась. Она явно пыталась оказаться на некотором расстоянии от меня, однако неумышленно подошла и встала прямо перед столом с моей стороны.

— Зачем вы здесь, мистер... Ксандер?

Я улыбнулся, когда она сдержалась, чтобы снова не назвать меня мистер Пирс. Она была слишком беспристрастной и использовала формальность, чтобы удержать те шлакобетонные стены, которые она воздвигла между нами. Я поднялся с кресла и подошел к ней. Она вцепилась в край стола и напряглась из-за моего внезапного вторжения в ее личное пространство. Я наклонился к ней, но она отклонилась назад, насколько это было возможно.

— Я хочу спать, мисс Шоу, но если я не могу сделать этого... — я проложил путь своими губами по ее челюсти и получил удовольствие от дрожи, которая прошла сквозь ее тело. — Я хочу трахнуться, — я прикусил мочку ее уха. — С тобой.

Она задохнулась.

— Это не то, в чем я могу вам помочь.

Но ее тон — полный дрожи и хрипотцы — дал мне понять, что она жаждала принести мне некоторое облегчение.

— Но ведь хочется.

Я лизнул мягкую кожу ее шеи и почувствовал, как мышцы ее челюсти натянулись и как она стиснула зубы.

Боже, как я хотел сломить ее, подвести к краю, в то время как она будет издавать тихие стоны и обнажать коготки, которые, я знал, она прятала.

Я скользнул рукой по задней части ее бедра, медленно двигаясь по шелковистой ткани ее чулок к теплой, нежной коже выше. И почувствовал тепло, исходящее от ее киски, когда скользнул своим пальцем еще выше. Зарывшись головой в изгибе ее шеи, сосредоточился на погружении пальца в ее влажное тепло. Я передвинул свою руку на ее лобок, прикрытый трусиками, и она дернулась, как будто я ударил ее током.

Блять...

Я также чувствовал ток. Я никогда еще не хотел похоронить свой член в женщине так, как сейчас.

Что, черт возьми, в ней такого?

Я проследил край трусиков, и как только я собирался получить от Эйвери то, чего действительно хотел, она протянула и положила свою руку на мое предплечье.

— Ксандер, пожалуйста...

Теперь она назвала меня по имени.

Я знаю, что я достаточный мудака, чтобы сделать это в любом случае. Скажем, трахнуть ее или погрузить свой палец в ее киску, потому что как только я войду в нее своим пальцем, она будет так же хороша, и принадлежать будет только мне, но она умоляла меня — ее тон граничил с отчаянием. Я хотел ее, но мне также хотелось, чтобы она была готова отдать мне себя.

Я неохотно вытащил руку и отступил.

Она вздохнула. Ее лицо пылало, и взгляд бросался куда угодно, кроме меня. Она поспешила на другую сторону своего стола и села, скрестив руки над стопкой бумаг.

— Вы должны понимать, что это было неприлично, мистер Пирс, — заговорила она. Уверенный доктор в ней куда-то пропал. Женщина, которая едва не дала мне себя трахнуть на своем столе, была явно смущена. Она пыталась восстановить потерянный контроль.

— Никогда не относил себя к приличным. Мне нравятся вещи непредсказуемые и дикие и... немного грязные.

— О, Боже... — она закрыла глаза руками и покачала головой.

— Обращение к Богу не спасет тебя, Эйвери. После такого... мы определенно должны это сделать.

Она посмотрела на меня, маска ее спокойствия была на прежнем месте.

— Нет, это не так. Я думаю, вы должны обратиться к другому врачу. Я не могу вас лечить.

— Но теперь, когда я встретил тебя, мне не нужен другой. Если кто-нибудь и сможет заставить меня уснуть, я уверен, что это ты. У меня назначен сеанс на следующей неделе. Тогда и увидимся.

На ее лице появилось злобное выражение, когда я повернулся, чтобы уйти.

Я не заставляю трахаться.

Это самое забавное, что со мной случилось. Я вернулся домой взволнованным, и мне было интересно, насколько далеко я продвинулся с сексуальным доктором во время своего следующего сеанса.

Братское соперничество.

Ксандер.

Я должно быть, мазохист.

Это единственное, чем я могу объяснить причину, по которой я застрял здесь, в нескольких кварталах от места, в котором полно моих призраков. Каждый день на протяжении шести недель я проезжаю мимо него, и меня всегда посещают одни и те же чувства. Подавляющее чувство вины, паники и, что еще хуже...страха. Мне казалось, будто, вернувшись, я привязался к этому месту, и поэтому происходящее можно оценивать, как некий способ расплаты.

Когда я подъехал к уединенному, арендованному мною, дому, то почувствовал в желудке дыру, заполняющуюся кислотой. Я припарковал машину на подъездной дорожке и посмотрел на сидящего на крыльце брата. Я хотел уехать и никогда не оглядываться назад. Любая стычка с Йеном походила на вскрытие ран, которые едва затянулись. Он поддевал и насмехался надо мной по поводу того, что я вернулся, и уже который день я думал о том, что мог бы дать ему отпор.

Я вышел из машины, а он встал.

— Не сегодня, Йен, — я попытался обойти его, но он встал прямо передо мной.

— А когда, Ксандер? Всегда неподходящее время, — он споткнулся, но попытался сохранить равновесие. — Ты не можешь даже в глаза мне посмотреть?

От него пахло спиртным, а глаза были налиты кровью.

— Ты пьян.

— Тебе удалось вытащить себя со дна бутылки, и теперь ты думаешь, что лучше меня, — он иронично рассмеялся и потер глаза. — Кого я пытаюсь обмануть? Мы никогда не были равными. Даже когда *ты* был пьян.

Наблюдая за тем, как по улице проезжает машина, я пришел в состояние полной готовности. Для того чтобы выбрать для аренды наиболее уединенное место, была одна причина, это было необходимо для моей *личной* жизни. Найти где-нибудь уединение было тяжело, но я нашел место на окраине Сиэтла, которое наполнено атмосферой леса. До настоящего времени моя голливудская жизнь здесь меня не преследовала, и я должен буду знать, если это произойдет. По мере того как машина медленно прокатила мимо, водитель не обратил на нас никакого внимания.

— Йен, заткнись и иди домой.

Я посмотрел через плечо, чтобы убедиться, что водитель не остановился на дороге, чтобы посмотреть на нас. Это было тем дерьмом, которого я избегал, дерьмом, которое в конечном итоге оказывается в развлекательных журналах. Это происходило и раньше, а заголовок гласил: *«Ссора между Ксандером Пирсом и его братом привела к аресту из-за пьяной драки в местном клубе»*.

Это произошло много лет назад, когда Йен приехал в Калифорнию, чтобы найти меня. Я думал, что мы могли бы изменить наши отношения. Снова стать братьями. Но на данный момент мне было ясно, что ущерб в наших отношениях непоправим.

Я оттолкнул Йена с моей дороги и начал перебирать свои ключи.

— Сегодня мне твое дерьмо не нужно.

— И все, чего хочет Ксандер, он получает. Погодите... даже если вы не получите его, вы убедитесь, что никто вообще не сможет его заполучить.

— Спокойной ночи, Йен, — мой тон был презрительным, и любой, кто меня знает, незамедлительно бы уехал, но Йен — человек непредсказуемый, и я никогда не знал, что он сделает. Он, как дерьмо, не сомневаюсь, не собирался прислушиваться и делать то, что я ему сказал.

Я наконец нашел нужный ключ и сунул его в замок.

— Тебя это все еще беспокоит? Ты думаешь об этом?

Его шепот заставил мою руку задержаться на ручке. Мне хотелось сказать ему, что я не могу перестать беспокоиться, но в этом плане я был трусом. Я не мог посмотреть ему в лицо и признать, насколько это раздирало меня, даже зная, что его я тоже разрываю на части. Я

бы не позволил ему увидеть мою боль, чтобы он наслаждался чувством моей вины. Я скорее позволю ему думать обо мне как о бессердечном ублюдке, чем буду выглядеть перед ним слабаком.

— Просто, продолжает ухудшаться, Ксандер, — произнес он за моей спиной.

Мое сердце подкатило к горлу. Я повернул ручку и, шагнув внутрь, захлопнул за собой дверь, не оглянувшись на него.

Я пошел напрямиком к бару. Тот, кто арендовал усадьбу до меня, оставил здесь хороший запас выпивки.

Мне следовало бросить все это, как только я приехал, но это тоже сыграло на кровавом факте мазохизма.

Я оставил его там насмехаться надо мной, испытывать меня. Я начал думать, что пытаюсь наказать сам себя. Это случилось много лет назад, когда я выпивал. Если бы что-то, возможно, и заставило меня сорваться и снова запить — это был бы Йен, и все дерьмо вернулось бы обратно.

Я достал стакан для виски и налил янтарную жидкость из графина. Моя рука тряслась, когда я поднял стакан. Я приложил его к губам. Запах от него был ностальгическим и, в то же время, отвратительным. Это, как при встрече с бывшей: вспоминаются все хорошие моменты, которые вы разделили вместе, но потом уродливые воспоминания быстро просачиваются и все омрачается. Несмотря на это я все еще хотел ее трахнуть. Я просто хотел похоронить себя глубоко в ней, хотел забыться на одну ночь, а на следующий день пообещать себе снова отступить ее. Содержимое стакана было похоже на ту женщину. Она поможет мне забыться, поможет уснуть. Но я понимал, что завтра не смогу отпустить ее. Она будет трахаться со мной каждую ночь, петь мне Песни Сирен. Заманит меня в свое злобное сексуальное тепло, пока я не смогу вздохнуть без мысли о ней. Эта крохотная порция виски станет моей гибелью. Я находился не в том месте, где хотел бы потерять хоть унцию своего самообладания, которое вернул в свою жизнь.

Я бросил стакан через всю комнату, наблюдая, как он разбивается о стену. Мне нужно убраться из этого города, но я не могу оставить маму наедине со своим неуравновешенным братом, в то время как она раздавлена горем. Смерть моего отца подкосила ее.

Мне нужно было найти способ, чтобы снова забыться. Мне нужно спать по ночам. Дерьмо... Мне нужно трахнуться.

Я схватил свой телефон со стойки бара и послал сообщение Габби.

«Сколько времени тебе потребуется, чтобы добраться сюда?»

«Я думала, что ты двинулся дальше.»

«Сколько?»

Все остальное дерьмо меня не интересовало. Мне требовались физическое истощение и дурманный оргазм, чтобы убежать от всего этого.

«Я не приеду.»

Не приедет? Неужели она устраивает истерику, потому что я ни разу не связался с ней за последние две недели?

«Серьезно?»

«Надоело быть использованной.»

Что, черт возьми? Использованной? Я был честен с этой женщиной, а она обвинила меня в том, что я ее использовал. Очевидно, это было моей ошибкой. Она думала, что у нее волшебная киска, которая приручила меня. У меня не хватит терпения, чтобы попытаться

убедить Габби приехать. Я и так трачу слишком много времени, пытаюсь склонить Эйвери, некоторым образом.

«Прощай, Габриэлла.»

Несколько минут спустя:

«В самом деле? И это все?»

Что, черт возьми, она хотела? Неужели она ожидала, что я буду бегать за ней? Поскольку до нее не совсем дошло, что я хотел просто потрахаться, мне захотелось быть предельно ясным и дать ей понять, что между нами все кончено.

«Иди на хер, Габби.»

«Трахни себя, КСАНДЕР.»

«Ты уже это сделала. Несколькоими способами. Еще раз спасибо тебе за это;-)»

Телефон молчал. Я подумал, что до нее наконец-то дошел смысл сообщения и она заткнулась, но через пять минут пришло ее последнее сообщение.

«Прощай, Ксандер.»

Я стер переписку и ее контакт, прежде чем положить свой телефон на стойку.

Три часа спустя я чувствовал себя как из "Неспящих в Сиэтле", но далеко не как в кино.

Я взял телефон и прокрутил контакты с целью найти номер Эйвери, который перенес с ее визитки, и отправил ей сообщение.

«Беспокойный. Нуждаюсь в терапии.»

Я вылез из постели и вышел во внутренний дворик, который примыкал к спальне. Погода была тихой, и я наслаждался уединением. Я так много лет прятался за работой, что и не понял, как меня все утомило. В Калифорнии, когда я выходил на балкон своей квартиры, я видел освещенный город, множество машин на дорогах, толпы людей и смог. Здесь же дом стоял на пяти акрах земли. Он находился позади парка, в котором росло огромное количество деревьев, а также имелось озеро, до которого недалеко было идти. Здесь тишина выражалась в легком покачивании деревьев, криках сов или щебетании птиц ранним утром. Не то, чтобы у нас в городе не было деревьев и птиц, но городские звуки были белым шумом, скрывающим песню природы.

Я сел в шезлонг и посмотрел на звезды, которые, казалось, были настолько близко, что можно было прикоснуться к ним. Это в некотором роде можно назвать умиротворенным состоянием, которое должно было заставить меня уснуть. Однако, оказалось наоборот, подобная умиротворенность еще удерживала призраков, шепчущих мне что-то на ухо. Такие шепчущие воспоминания становились криками даже сквозь городской белый шум.

Я не смотрел на свой телефон, но спустя полчаса он засветился и завибрировал на стеклянной столешнице застекленной веранды.

«Нет физического контакта сегодня вечером?»

Я улыбнулся. Первой мыслью Эйвери было, трахнул ли я кого-нибудь другого.

«Нет. Только, если вы готовы приехать?»

«Я предлагаю виртуально утомить мозг по часовой ставке. Интересует?»

«Доктор Шоу, я знал, что у вас есть грязная сторона. Давайте лучше поговорим о вас, трахающей меня виртуально.»

«На самом деле это довольно банально. Много неприличных вопросов.»

Я усмехнулся.

«Я предпочитаю неприличные позы.»

«Я знала, что не должна была отвечать.»

«Но сделала это. Ты ответишь на звонок, если я позвоню?»

«Нет.»

Я ожидал этого ответа.

«Почему нет?»

Она не ответила, и я подумал, что она пришла в себя и выключила телефон, но потом мой телефон снова ожил.

«Будет лучше, если я не услышу вашего голоса.»

Это было похоже на признание того, что ее влечет ко мне.

«Мой голос заводит вас, доктор Шоу?»

Ответа не последовало.

«Поскольку ваш голос делает меня очень твердым.»

Моя рука проложила дорогу в боксеры. Я схватил свой член и вытащил его, потому что там стало слишком тесно. Она все еще не ответила. На сей раз я был уверен, что она отключила меня. Я попытался соблазнить ее еще раз.

«Хочешь посмотреть?»

«НЕТ!»

Я ухмыльнулся.

Ну, это заставило ее ответить. Теперь я знаю, что она все еще там, и я бы с радостью отправил ей фото своего члена, если бы она согласилась. По крайней мере мой член наконец-то оказался бы в ее постели.

«Спокойной ночи, Ксандер.»

«Подожди. Еще один вопрос.»

«Какой?»

«Ты влажная?»

Я схватил свой член, представляя скольжение ее пальцев под одеялом и между ее ног, чтобы проверить это. Я был таким чертовски твердым, когда пришло ее сообщение...

«Очень влажная.»

Блять! Я двигал рукой по своему члену — быстрее — зашипев, потому что наслаждение стало расти.

«Ты можешь потрогать себя для меня?»

Я скользнул своей ладонью по головке, размазывая проступившую каплю и представил, что это ее пальцы, мокрые от прикосновения к своей киске, обернуты вокруг моего члена.

«Что ты чувствуешь?»

Я не знаю, что я сделал, чтобы получить такое хорошее лечение от Эйвери, но ее следующее сообщение доказало мне, что у меня был неплохой шанс добиться кое-чего в реальности.

«Скользкая, горячая, тугая.»

Я вздрогнул. Моя рука дрожала, пока я ласкал себя. Мышцы моего живота с силой сжались, когда я со стоном кончил. Я был ошеломлен. Оргазм был настолько мощным, что заставил мою голову закружиться, в то время как мои пальцы и мой живот были залиты спермой. Я лежал так, с членом в руке, в течение нескольких минут, и прохладный воздух легко касался моей горячей кожи.

Я услышал, как где-то зажужжал телефон и повернул голову, разыскивая его. Я сбросил его на пол рядом с шезлонгом. Схватив его, я прочитал последнее сообщение от Эйвери.

«Этот сеанс прошел под моим контролем.»

Я уронил телефон на грудь, прикрыл глаза рукой и засмеялся. Она специально это писала, чтобы добиться моего оргазма. Я отчасти надеялся, что все это было не игрой и она на самом деле прикасалась к себе. Если уж сексэсэмэски с Эйвери взорвали мой мозг, то реальные действия должны будут изменить меня.

Будет сложно манипулировать женщиной, чтобы проложить дорогу в ее трусики, которая проводит свои дни трахая мозг пациентов.

Она умна, поэтому я должен заставить ее прекратить так много думать и начать чувствовать. Так или иначе, мне необходимо попасть внутрь нее. Я даю тянущему требованию сна увести меня, с мыслью об Эйвери, растянувшейся на своей кровати, мокрой для меня.

Семейные отношения

Эйвери

— Элли, я дома, — крикнула я с порога, снимая обувь.

— Я здесь, — ответила она.

Я последовала за пряным ароматом томатного соуса и нашла Элли на нашей ультрасовременной кухне, вываливающую спагетти в дуршлаг.

— Эй, детка, — я скользнула на высокий табурет за огромным островком бара в центре кухни, который я соорудила еще до нашего переезда сюда. — Что-то изменилось.

— Что ты имеешь в виду? — она улыбнулась мне через плечо.

— Ты дома и даже уже успела кое-что приготовить.

Элли так много времени проводила в кампусе, что я уже сомневалась, живет ли она еще здесь.

— Я поняла. Я по твоему примеру удвоила свою курсовую нагрузку. И провела пару ночей у друга в общежитии.

— Друг? — я выгнула бровь.

— Нет. Не такой друг. Просто девушка, с которой у меня общие занятия.

Я, нахмурившись, смотрела на нее, а она, выставив свои руки, спросила:

— Что?

— Тебе уже 22, Элли, а я никогда не видела тебя с парнем.

— Эй, дурнушка, я чайник, — сказала она с сарказмом, протягивая свою руку, которую я отпихнула.

— Нет. Ты видела меня с Мэттью.

Она закатила глаза.

— Эйвери, это было больше трех лет назад, и это едва ли считалось настоящими отношениями.

— Почему это? — я сдвинула брови.

— Потому, что вы двое больше походили на друзей, которые трахались. В этом не было никакой настоящей любви...

— Я любила Мэттью!

— Как друга, — она качала головой из стороны в сторону, произнося каждое слово.

Она права, но я не хочу это признавать. Это был аргумент Мэттью, и я называла это уходом, потому что между нами не было никакой настоящей страсти.

— Может быть, я пытаюсь уберечь тебя от своей одинокой жизни.

— Ты бы не была одинокой, если бы просто подпускала к себе людей.

Я рассмеялась, не обратив внимания на иронию.

— Я полагаю, что это проблема, которую мы обе должны устранить.

Она печально улыбнулась, а затем продолжила передвигаться по кухне. Элли была всей моей семьей. Мы встретились с ней в приемной семье, после того как умерли мои родители. Не было никого, готового взять меня к себе.

Первое место, в которое меня отправили, было ужасным. Женщина, которая управляла им, была милой, но ее муж был наркоманом, который пристально наблюдал за мной, если мы находились в одной комнате. К счастью, у моих родителей была одна подруга, которая сделала все, что могла, чтобы меня передали в новый дом, как только она получила представление о том, в какой трудной ситуации я была.

Я благодарна Богу за нее, потому что следующее место было спокойным, и там я нашла Элли. Там нами пренебрегали, и мы ушли, чтобы самостоятельно добывать себе пропитание, но это было лучше, чем находиться там, где ты получаешь внимание, о котором не должна знать маленькая девочка.

Элли со своими длинными спутанными светлыми волосами была младше меня на 5 лет, и она уцепилась за меня с первого дня. Ощущение того, что ты нужна, стало всем для меня. Я взяла ту одиннадцатилетнюю девочку под свое крыло, и никогда не позволяла ей снова почувствовать себя одинокой.

Единственной проблемой было то, что мы с Элли были разного возраста. В день, когда я ее оставила, она сломалась. Она думала, что я никогда не вернусь, что она никогда меня не увидит снова. Я дала обещание ей в тот день, что я всегда буду возвращаться к ней, что я и сделала. К тому времени, когда Элли исполнилось 18, у меня был диплом колледжа и трастовый фонд, который позволял мне содержать нас обеих, как семью.

Элли поставила передо мной тарелку со спагетти и села рядом со своей тарелкой. Она мягко толкнула меня своим локтем, привлекая мое внимание.

— О чем ты думаешь?

— Как далеко мы с тобой зашли.

Она улыбнулась одной из тех рассеянных улыбок, которые появляются, когда вы возвращаетесь в воспоминания и удовлетворены тем, к чему вы в итоге пришли.

— Да, — она прислонилась своей головой к моей и вздохнула. — Семейные отношения.

— Да, Элли.

Семейные отношения. Эти слова я шептала ей каждую ночь, потому что, если бы я не делала этого, мы бы забыли об этом.

— Я люблю тебя, Эйвери.

— Я тоже люблю тебя, Элли.

Мы отключились от прошлого и разговаривали о ее занятиях, пока наслаждались ужином, который она для нас приготовила.

Отрицание Ксандер

Я думал, что Эйвери снова откажется от меня. Поэтому, когда вошел в ее офис и Ангела сказала, что меня ждут, я удивился и оживился.

— Я принес обед, — объявил я, держа пакет с сэндвичами, который забрал из мини-маркета вверх по улице.

— Я уже поела, — невозмутимо ответила она. Ее взгляд был холодным и бесстрастным.

Вот как, она хочет поиграть. Она подготовилась и закрылась стальной броней, которая состояла из холодных отношений и коротких ответов.

— Вы не возражаете, если я поем? — я улыбнулся. Она пожала плечами, все еще холодная и бесстрастная.

Я сел за стол напротив нее и достал обед.

— Ты из Вашингтона, Эйвери? Или переехала сюда еще откуда-то?

Она не ответила, просто посмотрела на меня. Контраст между ее золотисто-каштановыми волосами и яркими голубыми глазами был захватывающим, даже когда она стреляла в меня ими как ледяными кинжалами.

— Давай же, скажи мне хоть что-нибудь.

Она вздохнула.

— Я родилась и выросла здесь.

Я улыбнулся, но быстро стер улыбку с лица, когда заметил ее раздражение.

— Твои родители, должно быть, рады, что ты не уехала далеко от дома.

Она нахмурилась:

— Мои родители умерли.

— Прости.

— Ничего. Это было давно.

— Ммм...

— Мы здесь для того, чтобы поговорить обо мне или о вас? — она прервала меня, почувствовав, что последует еще один вопрос.

— Я просто устанавливаю доверительные отношения со своим врачом.

Она сузила глаза и спокойно смотрела, как я ем. Как только я скомкал обертку от своего обеда и бросил ее в мусорную корзину, она поднялась из-за стола.

— Мы потратили достаточно времени. Давайте начнем.

Она схватила блокнот и ручку и проводила меня к дивану. Она села в свое черное, ворсовое, с высокими подлокотниками кресло и скрестила ноги.

— У вас проблемы с засыпанием или со снами?

Она сразу перешла к делу. Она была профессионалом во всем, а я ждал возможности, чтобы растормошить ее.

— Если у меня есть подруга, которая может составить мне компанию на ночь, то у меня без проблем получается заснуть.

— Таким образом, вы используете секс, чтобы заснуть.

— Вы сказали это так, будто в этом есть что-то безнравственное.

— Ничего безнравственного в этом нет. Тем не менее это просто механизм решения проблемы, — она, нервничая, прикусила свою ручку. Она, вероятно, вспомнила сообщение, которое прислала мне той ночью.

— Рано или поздно, вам придется бороться с возникшей проблемой, — она написала что-то в своем блокноте, а затем продолжила. — Таким образом, вы... справ...

— Я предпочитаю трахать, — перебил я ее.

Она посмотрела на меня. Ей хотелось ответить, но так, чтобы не нарушить свою профессиональную позицию.

Она сделала глубокий вдох и продолжила свой опрос, скрываясь за своим замкнутым выражением лица.

— Как долго вы потом спите?

— Думаю, что ты бы получила больше информации, если бы просто понаблюдала... или поучаствовала во всем процессе.

Я улыбнулся. Она проигнорировала мои слова. Снова.

— Вы употребляете алкоголь для того, чтобы заснуть?

— Я выздоравливающий алкоголик, доктор Шоу. Я уверен, вы знаете об этом благодаря самым достоверным развлекательным журналам.

— Кое-кто посоветовал мне не верить всему, что написано в них.

— Умный человек.

На ее лице промелькнула улыбка. Неужели Снежная Королева начала оттаивать.

— Значит, вы говорите, что бессонница началась, когда вы вернулись в город. Знаете ли вы, что могло вызвать ее? Семейные проблемы? Какая-нибудь травма, связанная с приездом домой?

— Нет.

— Вы даже не стараетесь.

— Вы задали мне вопрос, я ответил.

— Слишком быстро. Вы даже не задумались. Если не хотите говорить со мной о том, что мешает вам спать по ночам, тогда зачем вы здесь?

— Потому что мне нравится твоя компания.

— Это пустая трата моего времени, мистер Пирс. Может быть, вам стоит записаться на прием в другой раз, когда вы будете серьезно настроены?

— О, я серьезен, доктор Шоу. Я серьезно хочу остановить эту игру.

— Какую игру?

Она отрицает.

— Могу ли я задать вам вопрос, доктор Шоу?

— Безусловно, — она посмотрела на часы. — Мы все еще сидим здесь за ваши деньги.

— По вашему профессиональному мнению, вы бы согласились, что отрицание — это большая проблема для пациентов?

Она кивнула.

— Ваша работа состоит в том, чтобы убеждать людей открыться и быть честным.

— Вроде бы это основная *ваша* проблема, мистер Пирс.

— Ксандер, — она свирепо посмотрела. А я продолжил. — Поэтому было бы справедливо, если бы и вы были честной со мной, прежде чем я смогу открыться. Вы понимаете... так сказать, показать пример от другой стороны.

— Вы собираетесь подойти к сути?

— Я должен знать, как долго ты собираешься отрицать влечение между нами.

— Нет никакого...

— Подожди... — я наклонился вперед, опираясь своими руками о бедра, склонил голову и пристально посмотрел на нее. — Просто знай, отрицаешь ты это или нет... мы будем трахаться, Эйвери.

— Мистер Пирс...

— Я думал, что мы оставили формальности в прошлом.

— Это единственный способ сохранить хоть какой-то профессионализм! — а это что только что было, вспышка характера? Она сама удивилась этой вспышке, но это было именно то, чего я добивался. Ее манера вести себя до этого была жесткой, и она накрыла

себя саваном профессионализма, который был, скорее всего, непробиваемым щитом. Этим она намеревалась блокировать мои достижения.

Ее кожа покраснела, и она дышала прерывисто-раздраженно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так как я плачу тебе за профессионализм, то я настаиваю, чтобы ты называла меня Ксандером. Кроме того, мне нравится, как мое имя звучит, когда слетает с твоего языка. И тот взгляд, когда ты произносишь его...

— Нет никакого взгляда.

— О, есть... потому что каждый раз ты произносишь «Ксандер» хриплым шепотом и сводишь ноги вместе, как будто это поможет с болью, которую ты чувствуешь в своей киске.

— Мистер Пирс... — сказала она, предупреждая, но я решил проигнорировать это.

— После этого у тебя появляется отсутствующий взгляд. Скажи... о чем ты думала, Эйвери? Ты видела это, не так ли? Наши образы, горячие, потные, трахающиеся подобно...

— Ксандер! — она вскочила со своего места и пошла прямо к двери. — Мы закончили.

Она держала дверь открытой, ожидая, когда я уйду. Я рассматривал и другие тактики получения от нее признания в том, что ее влечет ко мне, но понимал, что уже толкнул ее слишком далеко. Она даже не посмотрела мне в глаза, когда я прошел мимо, и как только я переступил через порог, дверь захлопнулась.

Как только я добрался до машины, то вытащил свой телефон и набрал номер одного человека, который мог достать то, что мне необходимо знать об Эйвери.

— Алло? — ответил Маркус.

Маркус был моим агентом, лучшим другом, а иногда и частным детективом, потому что он мог найти информацию о человеке.

— Нужно кое-кого проверить для меня.

— Кого? И, что еще более важно, зачем?

— Ее зовут доктор Эйвери Шоу. Я хожу к ней, чтобы она помогла мне со сном.

— Ты не можешь спать? Я думал, что все наладилось.

— Нет, с тех пор, как я приехал сюда.

— Я говорил тебе, что ты должен уехать оттуда, несколько недель назад. Зачем ты торчишь там и ходишь к «мозгоправу»? Ты же знаешь, что, если пресса пронюхает это, ты превратишься в наркомана и психически неуравновешенного.

— Я не трахаюсь. Просто проверь ее для меня.

— Как ты думаешь, через нее может просочиться информация в прессу?

— Нет, она не похожа на такую. Она...

— Она — что?

Я не отвечал, и спустя несколько секунд неловкой тишины Маркус понял:

— Ох... у тебя есть дело к твоему психиатру, а она продинамила тебя.

— Она не продинамила меня.

— Да, она продинамила, — он засмеялся. — От секса с Великим Ксандером Пирсом отказалась женщина с профессиональным этикетом. И теперь ты думаешь, что можешь копаться в ее жизни, чтобы найти к ней подход.

— Ты можешь это сделать или нет?

— Я посмотрю, но только потому, что мне хочется знать, кому ты доверяешь свои потаенные, темные секреты.

— Спасибо. Я повесил трубку, но мы оба знаем, что я бы никогда никому не доверил

свои секреты. Никому, кроме Маркуса.

Сексуальный проступок Эйвери

— Доктор Шоу?

Я нажала кнопку интеркома на телефоне, чтобы ответить Анжеле.

— Да?

— Мистер Пирс здесь. Он хочет увидаться с вами.

— Пожалуйста, скажите мистеру Пирсу, что его прием на следующей неделе.

Я слышала, как Ксандер заспорил, затем попытался очаровать Анжелу всеми способами, а потом засмеялся, когда она ему отказала. Я специально перенесла его прием на неделю вперед. Может быть, имея дополнительное время, он будет готов открыться. Или, может быть, я нуждалась во времени. Сколько бы я не твердила, что Ксандер создал *воображаемую* связь между нами, а она все-таки существовала. Но я просто не собиралась этого признавать, независимо от того, сколько еще он будет пытаться тыкать мне этим в лицо.

Я подошла к кофеварке и налила себе вторую чашку кофе, но на самом деле это был всего лишь предлог, чтобы понаблюдать в окно за отъездом Ксандера. Как только он появился в поле моего зрения, мой пульс участился. На нем были темно-синие джинсы, черные ботинки и белая футболка-хэнли, которая обтягивала его тело. Судя по трем газетным историям, его натура была чересчур эмоциональной. Даже его широкий шаг, когда он пересекал улицу, был наполнен сексуальной грацией хищника.

Он распахнул дверь в кафе через дорогу, в то время как я поднесла чашку кофе к своим губам. Он держал ее открытой, пока женщина выталкивала коляску, и прежде, чем войти, повернулся и посмотрел в мою сторону.

Дерьмо.

Я отпрыгнула назад, пролив содержимое чашки себе на блузку. Поставив чашку, я отлепила рубашку от себя. Именно то, что было нужно: ожоги от кофе плюс Ксандер, который видел, как я наблюдаю за ним в окно.

— Доктор Шоу?

Я снова нажала на интерком.

— Да?

Пожалуйста, пусть это не будет вернувшийся Ксандер. Я знала, что он увидел, как я наблюдала за ним, и мне не нужна была стычка с ним в данный момент.

— Я сейчас ухожу на обед.

Хорошо. Он не вернулся. Слава Богу.

— Хорошо, Анжела. Увидимся через час.

Я расстегнула свою блузку и взмолилась, чтобы у меня в шкафу оказалась запасная. Закинув свою испорченную вещь в шкаф, я вытащила старую черную блузку, которую нашла там. Мой лифчик промок, поэтому пришлось отправить его к блузке в шкафу. Я должна прикрыться. Я просто надену свой блейзер на весь день, чтобы никто не заметил, что я работаю без лифчика. Когда я скользнула руками в рукава, дверь распахнулась. Я была в секунде от того, чтобы закричать на Мэттью за то, что он всегда забывает постучать, но это не Мэттью стоял в дверях. Это был Ксандер. Он стоял там, уставившись на мою полностью

обнаженную грудь, в шоке, который перерос ровно за три секунды во всеохватывающее желание.

Я резко стянула края рубашки и удерживала их вместе.

— Какого черта вы здесь делаете?

— Я... Я... — он посмотрел на мою грудь, хотя я ее уже прикрыла. Его взгляд заставил почувствовать себя так, как будто рубашки не существует, будто я все еще подвержена его голодному пристальному взгляду.

— Вы не можете так просто вваливаться сюда всякий раз, когда захотите.

— Я увидел, как ваш секретарь уходит, и... я...

Дерьмо.

Он даже не мог сосредоточиться на том, что хотел сказать. Его похотливый взгляд прошелся вверх-вниз по моему телу. Он был готов наброситься на меня, а мне было нужно заставить его остыть. Между нами было реальное притяжение. Реальней, чем я когда-либо чувствовала. Энергетика, которая витала между нами, заставляла меня почувствовать то, что я никогда не считала возможным. Даже с Мэттью я никогда не чувствовала такого прилива страсти и похоти.

Он толкнул дверь. Я отвернулась, пытаюсь застегнуть блузку, но мои пальцы дрожали. Его руки накрыли мои. Я замерла. Он был близко. Слишком близко. Его жесткий член прижимался к моей заднице.

Он склонился ко мне, щетина на его подбородке царапала кожу моей шеи.

— Не прячься.

Боже, он так хорошо пахнет.

Я собиралась проиграть эту игру соблазнения. Я даже не уверена, было ли это когда-нибудь игрой, потому что между нами не было никакого соревнования. Очевидно, что мы оба чувствовали это сексуальное влечение. Это было подавляюще и удушающе. Мы хотели сыграть эти роли — мы должны были. Я пыталась быть разумной. Но, как только он ослабил мою хватку на рубашке, выставляя меня на прохладный воздух, все доводы вылетели в окно.

— Ксандер...

— Позволь мне прикоснуться к тебе, — его голос был хриплым, наполненным нуждой. И требовательным.

Нет... да... Нет!

Хотя мой разум боролся, мое тело было уверено в своей потребности. Я откинулась на него, положив голову ему на плечо. Он раскрыл свои ладони на моем животе, медленно прокладывая ими путь по моей чувствительной коже. Когда он достиг моей груди, то нежно обхватил ее, а затем его пальцы коснулись моих чувствительных торчащих сосков. По моей коже побежали мурашки. Я вздрогнула. Я была влажной — такой жаждущей. Мой клитор пульсировал, дыхание было рваным. Я стала огромным шаром из раскаленных добела ощущений.

Он прикусил мою шею, а затем сжал соски, заставляя меня задохнуться. Я прислонилась к нему. Он зашипел, когда я прижала свою задницу к его жесткой толстой эрекции. Я потеряла счет времени, потому что одно мгновение его руки были на моей груди, потом на моих бедрах, а затем он уже раскрывал ими мою влажную плоть.

Я потянулась к нему, стоящему позади меня, и вцепилась пальцами в его обтянутые джинсами бедра в попытке удержаться от падения. Он придерживал меня рукой за талию, а затем толкнул вперед, пока я не наклонилась над своим столом, прижавшись грудью к

деревянной поверхности. Он задрал мою юбку, затем провел рукой по моей заднице, прежде чем стянуть с меня трусики. Своей ногой он расставил шире мои ноги, а его рука вернулась и закружила по моему клитору, дразня мою влажную плоть, пока я не застонала и не отодвинулась от его пальцев. Он скользнул пальцем в меня, медленно двигая им. Это была пытка, которая заставляла меня желать большего. И он дал мне это, добавив еще один палец, растягивая меня, в то время как его эрекция прижималась к моей заднице, большая и твердая.

Я застонала и качнулась назад к нему, насаживаясь на его пальцы. Он фыркнул.

— Я знал, что ты будешь такой чертовски горячей.

Он вытащил пальцы. Звякнула пряжка ремня, и следом раздался звук расстегиваемой молнии. Волна возбуждения пронеслась по моему позвоночнику, по мере того как во мне нарастало предвкушение. Я услышала шелест обертки презерватива. Затем он склонился надо мной, оперевшись ладонями о стол, а член слегка задевал мой вход.

Я втянула воздух и выдохнула его с шипением, когда он ворвался в меня своим толстым членом. Он наполнил меня, растягивая до боли, дюйм за дюймом. Ощущалось *мучительно-сладко*. Подобно сахарной лихорадке, которая отправилась прямо к моей голове.

— *Охренеть*, — простонал он, когда достиг предела внутри меня. — Так... чертовски... узко.

Он зарычал и начал трахать меня жестче.

— Твоя пизда такая чертовски ненасытная для моего члена. Скажи мне, чего ты хочешь.

Он был груб и матерился с самого начала. Теперь, когда он подтвердил свои слова действиями, я должна признать, что мне нравилось. Это заводило меня, наполняя меня возбуждением.

— Я хочу его, — выдохнула я.

Дерьмо, я молилась о том, чтобы выжить, потому что член у него действительно был, как толстый стальной стержень.

— Такой... большой... — удалось сказать мне между его пронзающими толчками. Мои запинаящиеся слова не остановили его. Он придерживался ритма, энергично доводя меня до оргазма, поглаживая клитор нужным образом. Я держалась за край стола, костяшки моих пальцев побелели. Он поменял положение, его лоб покоился на моей спине, его толчки стали менее ритмичные — более беспорядочные.

Он, трахая, содрогнулся. Я понимала, что заставила его забыться, рассыпаться, и это сделало меня стать более влажной — более возбужденной.

— Мне нужно, что бы ты кончила, детка, — пробормотал он, *умоляя*, мне в спину.

Детка? Блядь. Эта нежная просьба вызвала трепет в моем животе. Ноющее напряжение в моем клиторе, восхитительное скольжение члена Ксандера — это то, с чем я могу справиться. *Трепет?* С этим не могла. Это граничило с эмоциями, которых я не хочу. Это должно было быть безэмоциональным трахом.

Он выпрямился, рванул меня за волосы и ускорился. Он входил в меня своим членом сильными, отчаянными толчками, которые вызвали в моей киске пульсацию. У меня перехватило дыхание и соски превратились в бусинки. Я жаждала этого с тех самых пор, как впервые увидела его. Я мечтала о нем, горячем и потном, вдальбливающим в меня свою великолепную мощь, предлагая мне подчиниться.

Теперь это все было слишком реальным.

Сильный оргазм нарастал во мне. Я сгорала от нужды, была такой влажной, что он

скользил во мне без особых усилий. Я всхлипнула от восхитительных ощущений. Острая боль из-за натяжения волос, плотский, животный звук, который он издал, и кончик его члена, нажимающий на чувствительное местечко внутри меня — все это было ошеломляющим. Я приближалась к краю жестко, но все же прекрасно. Оргазм пронесся через мою сердцевину, устремился к клитору и послал бурную волну удовольствия, которая промчалась по моим нервным окончаниям, оставив меня слабой и неподвижной.

Я видела яркие пятна сквозь свои плотно закрытые веки, в то время как Ксандер погрузился еще глубже, проникая своим толстым членом в меня и кончая с хриплым:

— О... чееерт...

Его член пульсировал, а тело дрожало в момент освобождения. Он оставил цепочку укусов на моей спине и затылке, зарывав и толкнувшись глубже несмотря на то, что он уже кончил. Горячий и потный, он опирался на мою спину. Борясь с дыханием, мы оба отходили от самого поразительного полового акта в нашей жизни.

После нескольких минут, спустившись с седьмого неба — судорожных движений и неудержимой дрожи — он вышел из меня, и мы медленно поднялись. Я повернулась, потянула юбку вниз и застегнула блузку дрожащими пальцами. Пост-эффект был болезненным, и мои чувства были немного потрепанными.

Он сделал пару шагов назад и упал в кресло, его член был все еще обнаженным, полутвердым и подергивался, будто хотел вернуться в игру. Он заметил, как я смотрю на него, и улыбнулся, приподняв бровь и сверкнув своими ямочками.

Сексуальный козел.

Он облизал губы и вздохнул.

— Мы должны это повторить.

— Нет, мы не должны были этого начинать, — он одарил меня скептическим взглядом. Потому что, серьезно, кто бы не захотел повторить такое? Но это не то, чего я хотела. Это небезопасно. Неразумно.

— Да ладно, Эйвери, это было...

— Неважно. Это больше не повторится.

— Почему? — он одарил меня взглядом, полным похоти, обхватив рукой свой член, будто ласкал его.

— Ты заставила меня кончить. Так. Чертовски. Жестко, — он прикусил нижнюю губу и снова приподнял свою чертову бровь.

— Не мог бы ты прекратить?

— Что? — он был чертовски спокойным и беспечным, но все в нем кричало: *«иди и трахни меня»*.

— Прекрати касаться себя. Прекрати светить своими ямочками. Прекрати говорить непристойности этим сексуальным голосом. Просто прекрати!

— Хорошо, — он засунул член в свои джинсы и поднялся. Протянул мне руку, но я уклонилась от его прикосновения.

— Могу ли я увидеть тебя сегодня вечером?

— Нет. Этого не должно снова произойти.

— Почему?

— Потому что я должна быть твоим врачом. Коллегия отнесется с неодобрением к тому, что доктор спит со своим пациентом. Я уверена, что они это квалифицируют как «Сексуальный проступок».

— «Сексуальный проступок»? Мы делали это по обоюдному согласию.

— А я должна быть профессионалом, со степенью бакалавра и с отличием первого класса. Я должна вести себя соответственно.

— Слово «аморалка» не должно ассоциироваться с тем, что только что здесь произошло. Если ты думала так о своем поведении, когда трахалась, то ты ошибаешься.

Он снова подошел ко мне, и на этот раз я не смогла отойти. Он потянул меня за руку, пока я не прижалась к его груди, и обхватил меня стальной хваткой.

— Ксандер, — я попыталась отодвинуть его, отклонив голову назад, когда он подался вперед.

— Один поцелуй, затем я уйду.

Один поцелуй? Я посмотрела на него, потому что мы оба знали, что одного только взгляда между нами было достаточно.

— Ну же, Эйвери, — прошептал он, его губы были достаточно близко, чтобы легко украсть поцелуй, о котором он просил. — Это несправедливо: я погрузил свой член в тебя, но до сих пор не попробовал эти маленькие, пухленькие губки.

Я нахмурилась.

— Однажды я заставлю тебя улыбнуться.

Он заманил меня в ловушку своими зелеными глазами, хотя иногда они казались серыми. Я не могла понять, это глаза меняли цвет или же они отражали удивительные оттенки в своих мерцающих глубинах. Каждый раз, когда он одаривал меня взглядом своих нежно-зеленых глаз, я проигрывала.

Он медленно наклонился, слегка нажимая своими губами на мои. Он то облизывал мои губы, то прикусывал их зубами, до тех пор, пока я не сдалась, открывшись для вторжения его языка. В тот момент, когда его язык коснулся моего, он всосал его.

В нашем влечении было безумие, сумасшедшая тяга, которая быстро превратилась в непристойную назойливость, которая снедала меня, умоляя утолить ее. Неважно, что я сделала это всего лишь минуту назад.

И, *Боже*, Ксандер действительно знал, как утолить этот голод. Было бы хорошо, если бы голод ушел, но он вернулся с пламенем, как только мы поцеловались. Его губы были твердыми и настойчивыми, язык погружался в мой рот сильными жадными толчками.

Было странно, что мы трахнулись раньше, чем поцеловались. Но поцелуй, казалось, был более интимным, будто мы скрепляли печатью некую связь, которую только что установили. Тот факт, что он сделал меня очень мокрой, заставил мое сердце биться сильнее, что снова зародило трепет в моем животе и полностью отключило мой мозг. Он вытрахал своим языком разум из моей головы. Он использовал его так же эффективно, как свой член, дразня мой рот, а затем опустошая меня. Его руки обхватили мою задницу, впились пальцами, в то время как он притянул меня к своему твердому члену.

Если я не буду осторожна, то через несколько минут мои ноги будут обернуты вокруг его талии, а его член снова будет двигаться глубоко внутри меня. Я толкнула его в грудь, но он вжался в меня. Я снова толкнула его и отклонила голову назад, разрывая поцелуй. Он уставился на мои губы. Я почти видела, как его мозг работает с этим шаловливым блеском в глазах. Он хотел целовать меня снова и снова, до тех пор, пока я не сдамся и не позволю ему снова трахнуть меня. Он был ненасытным, но я была непреклонна, и как только я выскользнула из его объятий, то отошла так, чтобы между нами был письменный стол.

— Это еще не конец, — сказал он, прежде чем уйти, оставив меня наедине с его ароматом, обволакивающим меня, и мучительно-сладкой болью между ног. Ксандер Пирс был на мисси, и он собирался полностью меня уничтожить.

Решение.

Эйвери.

— Мне жаль, что я опоздала, — сказала я, бросив жакет на скамью рядом с Мэттью и скользнув в кабинку.

— Все нормально. Я заказал для тебя, — Мэтт указал на панини (прим. перев. — Panini — итальянский бутерброд или сэндвич, где булочка разрезается вдоль, а внутрь кладут ветчину, сыр и др. начинки, больше известный в России как горячий бутерброд), уже лежавший на моей стороне стола. Я провела с пациентами в больнице все утро и, честно говоря, я еще не совсем пришла в себя от того, что произошло с Ксандером.

— Я сделала кое-что действительно очень глупое, совершенно не характерное для меня и неэтичное.

— Я должна признаться. Я обдумывала случившееся в моем кабинете в течение двух дней и до сих пор не смогла решить, что делать.

— Успокойся, Эйвери. В любом случае, это не может быть настолько плохим.

— У меня есть один пациент...

— Ксандер.

Я одарила его раздраженным взглядом. Он улыбнулся.

— Мэтт, я здесь пытаюсь не нарушать врачебную тайну.

Он усмехнулся.

— Угу... Ладно, у тебя есть этот таинственный пациент, и..?

— Он не воспринимает наши сеансы всерьез. Он нахальный, высокомерный, грубый, наглый, и...

— И?

Я закрыла лицо руками и посмотрела на Мэтта сквозь пальцы.

— И я трахалась с ним, — пробормотала я.

Мэтт подавился едой, схватил стакан воды и выпил его. А потом начал смеяться.

— Это не смешно. Я полностью провалилась как его психотерапевт, и это, вероятно, потому, что каждый раз, когда мы находимся в одной комнате, я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме его сексуальных ямочек и тела, и как же мне хочется облизать его...

— Подожди... Ты серьезно? — Мэтт уставился на меня.

Я кивнула.

— Во-первых, давай не будем говорить здесь о непристойностях. Мы оба знаем, что ты действительно хорошо облизываешь... все, о чем ты собиралась рассказать, но я отвлекся. Так как ты перешла границы, то должна подать в отставку как его психотерапевт. То есть... ты действительно спала с ним? — он нахмурился и посмотрел на меня так, будто ожидал, что я скажу ему в любую минуту, что я пошутила.

Я одарила его взглядом, который ответил на его вопрос.

— Вау. Я никогда не думал, что ты обойдешь меня, — он улыбнулся, потому что мы оба знали, что наше расставание было взаимным и двигаться дальше было не проблемой. Я просто не хотела усложнять свою жизнь отношениями. Я смяла салфетку и бросила ее в его самодовольное лицо.

— Что мне сделать, Мэтт?

— Я тебе только что сказал. Уволиться.

— Нет... Я имею ввиду, что мне сделать, чтобы заставить его отступить.

— Это именно то, чего ты действительно хочешь?

Я прислонилась лбом к столу и вздохнула.

— Я не знаю.

— Эй, — я посмотрела вверх. Мэтт наклонился ближе, опираясь своим предплечьем о стол. — Я знаю, ты не хочешь открываться людям. Боишься любить, потому что тебе страшно быть отвергнутой. Ты не обязана любить парня. Просто получай удовольствие, пока он еще в городе.

Я вздохнула.

— Я не боюсь. Я открылась Элли. Я открылась тебе.

— Тебе потребовались годы, чтобы действительно открыться мне. До этого ты была ледяной королевой.

— Что ты имеешь в виду? Что я не должна быть осторожной, в то время как кое-кто даже не может открыться мне как пациент, медленно прокладывая дорогу в мою жизнь?

— Ты всегда должна быть осторожна, дорогая, но позволь кому-нибудь перепрыгнуть через ту стену, которую ты периодически создаешь.

— И что произойдет, когда они устанут прыгать через нее и просто разрушат? Я останусь незащищенной.

Он накрыл мои руки своими и посмотрел на меня серьезным пристальным взглядом.

— Если он сделает что-то такое, что причинит тебе боль, я буду здесь, чтобы помочь тебе восстановить эту стену. Ладно?

Я знала, что он будет. Мэтт был со мной еще с колледжа. Он был моим партнером в лаборатории, однокурсником и другом. К тому времени, когда я поступила в медицинское училище, он был моим соседом по комнате и любовником. Мы выпустились лучшими друзьями и коллегами, поскольку просто не состоялись как пара. У нас был наш собственный офис, и мы, по-прежнему, иногда работали посменно в местной больнице. Все было, как мы и планировали. Кроме того, что мы оба были все еще одиноки.

~~*

Спустя два дня я все еще не могла выбросить Ксандера из головы. Он не звонил и не появлялся, что заставляло меня нервничать. Я просто не была уверена. Если уж на то пошло, я нервничала из-за того, что он может внезапно появиться, когда я меньше всего этого ожидаю, или, что я хуже, никогда его не увижу снова. Я подозревала, что меня больше беспокоило последнее.

Проведя нескольких сеансов в офисе, я села в машину, и тут мне пришло сообщение от Элли.

«Ты где?»

«Как раз выезжаю с работы.»

«Я в ресторане.»

«Я буду там в пять.»

Мы стараемся вместе ужинать каждый вечер пятницы. Элли уезжала раньше меня последние три недели. Я надеялась, что у нас будет немного времени, чтобы отрешиться от всего мира и просто снова побыть нами.

Итальянский ресторан был переполнен, когда я приехала, но хозяйка быстро провела

меня к столику в задней части, где меня ждала Элли.

— Мы живем в одном доме, но почти никогда не видимся.

Я прошла в кабинку.

— Скоро конец семестра, и много чего происходит в кампусе.

— Когда он закончится, мы поедем вместе на Аруббу, — она была не в восторге. — Что?

Ты же любишь это место. Мы можем загорать весь день, а ночью пить напитки на пляже.

— Я не могу, Эйвери. Я хочу попытаться найти работу на лето.

— Зачем?

— Потому что мне нужно быть в состоянии справляться со своими обязанностями. Ты не можешь все время заботиться обо мне.

— Я и не собиралась, но так как я в состоянии это делать, то ты должна воспользоваться этим и сосредоточиться на учебе.

Она кивнула, но я не была уверена, что она согласилась со мной.

Подошел официант и принял у нас заказ, взял меню и ушел.

— Ты же знаешь, я не против, верно? — я продолжила с того, на чем мы остановились.

— Но я готова. Ты всегда была рядом со мной. Я хочу сделать что-нибудь самостоятельно для себя и, в конце концов, для тебя тоже.

— И ты сделаешь, как только закончишь учебу и получишь работу.

— Все равно.

— Что с тобой в последнее время? Ты не приходишь домой. Ты очень угрюмая и скрытная.

Она вздохнула.

— Я просто нервничаю из-за учебы и пытаюсь найти работу. Извини, если выплескиваю все это на тебя.

Я кивнула, но что-то терзало меня. Мы съели большую часть нашей еды в тишине, болтали только о предстоящих экзаменах и учебных мероприятиях. Она постоянно ерзала и была встревоженной. Я знала, что она искала предлог, чтобы сбежать.

Прямо перед десертом, ей пришло сообщение на телефон. Она прочла сообщение и сказала:

— Я должна идти.

Бросив салфетку на стол, она встала. Я схватила ее за запястье, прежде чем она убежала.

— Что происходит, Элли?

— Ничего.

— Если это все из-за того, что я тебе сказала по поводу работы, то мы можем еще поговорить об этом. Я, возможно, смогу подыскать тебе работу на лето в больнице.

— Нет, не из-за этого, — она схватила сумку и попыталась вытащить свою руку из моей.

— Я желаю тебе только лучшего.

— Я знаю, но ты не понимаешь, что лучшее для меня — быть в состоянии позаботиться о себе. Что я буду делать, если с тобой что-то случится? Я буду безнадежна.

— Ты будешь в порядке, потому что все, что есть у меня, станет твоим.

Она печально улыбнулась и покачала головой.

— Я люблю тебя, Эйвери. Однажды ты будешь гордиться мной, — она наклонилась и поцеловала меня в щеку.

— Я уже тобой горжусь, — сказала я прежде, чем она выбежала из ресторана. У Элли была своя жизнь, а я скоро останусь одна. Опять. И это еще страшнее того, чтобы подпустить

кого-то к себе. Я бросила на стол несколько купюр и подхватила свою сумочку. Я не была уверена, что приняла правильное решение, но Ксандер заставил меня почувствовать себя живой, а я просто хотела снова чувствовать, даже если это только на несколько ночей.

Разрушаясь.

Эйвери.

Ксандер открыл дверь с озадаченным выражением на лице. Волосы у него были мокрые, ноги босые, и на нем были надеты только легкие штаны.

— Откуда ты узнала, где я живу?

— Возможно, ты считаешь, что уединился здесь, однако весь город знает, где остановилась «звезда».

Он прищурился и скрестил руки на груди. Его рельефные мышцы живота выглядели даже лучше, чем ощущались, когда я прикасалась к ним через рубашку.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришла, чтобы сказать, что уволилась. Я больше не могу быть твоим врачом.

Он завел обе руки за голову и сцепил пальцы. Движение выставило на обозрение статные мышцы его верхней части тела. Мой взгляд остановился на его темноватых сосках, потом прошелся вниз по гладкой коже его торса и наконец сосредоточился на очень большой выпуклости спереди его легких штанов. До недавнего времени у меня, кроме как на днях в моем кабинете, секса не было три года.

Сейчас я не могла даже просто смотреть на полуобнаженного мужчину — на Ксандера тем более — без того, чтобы не создать лужу из своей слюны у его ног.

— Не делай этого, Эйвери. Мы хорошо провели время на днях. Не убегай от того, что происходит между нами.

Он выглядел раздраженным.

— Нет, ты не понял. Я. Уволилась, — шагнув вперед, я потянулась к нему и провела рукой по его груди, вниз по его животу, затем по его талии. Потом я посмотрела на него и сказала:

— Теперь нам ничто не мешает.

Его губы растянулись в медленной улыбке, как только он понял, что я имею в виду.

Затем он обхватил своими ладонями мое лицо.

— Не верится, что я собираюсь спросить тебя об этом, но... ты уверена? Потому что как только я закрою эту дверь, ты больше не сможешь уйти.

Я улыбнулась ему.

— Ты так уверен в себе.

— Нет... — он наклонился, его губы слегка касались моих. — Но я бы предпочел оказаться в тебе.

Дерзкая улыбка заиграла на его губах, прежде чем они накрыли мои. Он сделал несколько шагов назад, потянув меня за собой и захлопнул дверь.

Он целовал меня. Я отвечала. Это был не ласковый или нежный поцелуй, а настойчивый и дикий. Он был настолько необузданным, что ни один из нас не мог контролировать его, это просто бушевало внутри нас. Наши губы сминались, зубы клацали, а языки сражались в войне, которую нам обоим суждено было и выиграть, и проиграть. Потому что, в конце концов, удовольствие, к которому мы стремились, которое мы знали, что получим друг от

друга, уничтожит нас эмоционально, но оставит нас обоих победителями в физическом плане.

— Ксандер... — прохрипела я. — Кровать.

— К черту кровать. Я хочу вкусить тебя сейчас же.

Он схватил края моей блузки и разорвал ее. Это мощное движение заставило меня удариться спиной о дверь, а пуговицы разорванной блузки рассыпались по полу. Его пристальный взгляд не отрывался от моего прозрачного белого кружевного бюстгалтера. Он протянул руку и прошелся одним пальцем по моему соску, побуждая его сморщиться от такой приятной ласки.

— Сними его, — пророкотал он низким требовательным голосом. Он бы охотно сорвал его сам. Он бы шагнул через край, а я бы последовала за ним, чтобы просто утолить малую толику крайней нужды и желания, охватившего мое тело.

Я стянула испорченную блузку, а затем завела руку за спину и медленно расстегнула лифчик, позволяя лямкам медленно соскользнуть вниз по моим рукам, пока он не упал на пол. Потянувшись ко мне чуть ли не с опаской, он накрыл мою грудь своими ладонями.

Не спеша приподнял их, взвешивая, лаская кожу, а затем скрутил пальцами мои соски. Моя спина выгнулась, глаза закрылись, поскольку я никогда не предполагала, что такие простые прикосновения могут так остро воздействовать на меня. Я прочувствовала его прикосновения каждой клеточкой, и от этого перехватило дыхание и отключило ту малость здравого смысла, которая у меня еще оставалась.

— Так чертовски сексуально, — он наклонил голову и всосал мой сосок своим теплым ртом, закружив языком вокруг него. Затем он быстро прикусил его зубами. Я покачнулась. Он подхватил меня на руки и понес на диван.

Он стянул с меня юбку, сорвал трусики, но оставил подвязки. Провел пальцами вверх по моим бедрам, по внутренней их стороне, а затем по моей киске. За талию подтянул меня на диване так, чтобы моя задница свободно помещалась на подлокотнике.

Я не помню, как это все происходило в моем воображении, но Ксандер оказался лучше, чем любая из моих фантазий.

Он опустился на колени и принялся за работу, не останавливаясь. Он начал снизу, облизывая мои бедра и целуя, слегка надавливая на мою киску закрытыми губами. Большими пальцами он раздвинул мои половые губы и начал медленно лизать их внутренние стороны. Мои бедра дернулись в попытке поторопить его, но он продолжал не останавливаясь.

Тепло распространилось по моему телу, в то время как по коже побежали мурашки. Меня лихорадило от боли в клиторе. Он удерживал меня на мучительном краю. Лизал над, вокруг и под тем местом, где я нуждалась в нем.

— Ксандер... пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... — унилась я до просьбы, беспорядочно всхлипывая.

— Чего ты хочешь? — пробормотал он, слегка отстранившись, и вибрация его голоса эхом отразилась в моем клиторе. Я вздрогнула. Он поднял голову и посмотрел мне в глаза. Его губы были влажными от моего возбуждения. Он облизнулся.

Блядь, я хочу этот язык на моем клиторе!

— Разве ты не смелая докторша, которая вытаскивала из меня мое же дерьмо? Признайся в своем желании. Скажи мне, что бы ты хотела, чтобы я сделал с твоей киской.

Он наклонился и потер кончиком носа выше моего клитора, и моя спина выгнулась от взрыва удовольствия.

— Блядь! О Боже!

— Не проси его о милости. Я единственный, кто может дать тебе то, что ты хочешь. Теперь, блядь, умоляй меня.

— Садистский ублюдок, — пробормотала я, когда он снова отстранился. Он прикусил мое бедро. И я вскрикнула.

— Ксандер... пожалуйста... верни свой язык на мой клитор... пожалуйста.

Он зарычал и нырнул обратно. Первое движение языка на моем клиторе было нежным и медленным... один, второй раз. На третий раз я приподняла свои бедра и толкнулась своей киской в его лицо. Моя скромная сторона не могла конкурировать с похотливым огнем, пылающим во мне.

Его плавные толчки превратились в равномерный ритм непрерывных щелчков. Затем он обхватил губами мой клитор и всосал его. Чувственное тепло пробежало во мне. Я извивалась. А он удерживал мои бедра руками. Я, задыхаясь, откинула голову и вытянула шею. Никогда не чувствовала ничего подобного. Он превратил мое тело в доводящее до безумия пламя, и я не была уверена, что он сможет потушить его. Тогда... он доказал мне обратное. Одним быстрым движением, он ввел два пальца в меня, лизнул чувствительную нижнюю часть моего клитора, и я взорвалась в оргазме. Дикое извержение от наслаждения было нечеловеческим, но я все еще желала большего. Он медленно упивался моим клитором, посылая равномерные волны толчков, пульсирующих сквозь меня. Затем он встал, спустил штаны и его член вырвался на волю. Хоть он и находился во мне прежде, я никогда фактически не видела его полностью возбужденным. Он был огромным и толстым. Изогнутый, он практически касался живота Ксандера.

Я наблюдала за тем, как он натянул презерватив на округлую головку, раскатал его по всей длине и двинулся ко мне. Я начала отодвигаться назад, но он поймал меня за ноги, дернул мою задницу обратно на подлокотник и раздвинул ноги.

— Не надо. Блядь. Двигаться.

— Ксандер... — всхлипнула я. — Ты слишком... — он потер кончиком по моей киске. Я застонала. — Слишком... большой...

Последнее слово прозвучало как хриплый крик, потому что он толкнулся своим членом в меня, задержался ненадолго, а потом продвинулся глубже. Я пыталась упереться ему в грудь и сдержать его, замедлить, но я не смогла до него дотянуться. Он растянул меня, наполняя по самую рукоятку, оставляя меня задыхаться после моих слов.

— И ты такой чертовски жесткий.

Он сделал несколько коротких, медленных толчков, прежде чем сорваться. Он долбил меня, его пальцы впились в мою талию, его мускулы играли с каждым агрессивным выпадом.

Его толчки были глубокими и дикими, снова зарождая во мне потребность в освобождении. Я толкалась своими бедрами навстречу его толчкам, сжимая подушки для опоры. Делала отчаянные вдохи, в то время как соски мои превратились в ноющие бутоны, а киска пульсировала в ожидании освобождения.

— Киска такая чертовски горячая.

— Я собираюсь кончить.

Он покачал головой, глядя на меня, как одержимый.

— Возьми больше.

— Ох... Черт... Я не могу.

— Возьми все, что я даю тебе, и расскажи, насколько тебе это нравится.

Мне необходимо сильно кончить или попытаться отвлечься на некоторое время, потому что я собираюсь кончить прямо сейчас.

— Мне это нравится, — он ударил по моему клитору, и меня затрясло. — О, Боже... Я люблю это... Я люблю твой член.

Я хотела чувствовать, как его кожа прижимается к моей, хотела чувствовать его дыхание возле своего уха, но он держался на расстоянии. Мы оба знали, что если мы коснемся друг друга даже слегка, то наша близость станет нечто большим, чем просто трах. Его лицо ожесточилось. Его пальцы впились в мое бедро и крепко держали, пока он вдавливался в меня под таким углом, что с каждым толчком большая головка его члена ударяла мне в комок нервов.

Он сдвинул брови и прикусил губу, чтобы не закричать, а мышцы, покрытые потом, напряглись от приближающегося освобождения. Все прилагаемые нами усилия, чтобы сдержать свои эмоции, означали, что это не было похоже ни на что, испытываемое нами раньше.

— Оххх, ебать... кончай... — прорычал он между толчками, достигая цели и вращая большим пальцем по моему клитору.

Дополнительное стимулирование было слишком, или как раз то, что мне было нужно, потому что мои мышцы напряглись, и я кончила... жестко. Моя киска, пульсируя, сжала его член.

Сокращающиеся мышцы наших половых органов жадно ласкали друг друга в оргазме, который не прекращался и нарастал с новой силой из-за напряженных рывков и толчков, выпуская на волю неистощимое желание наслаждения, утоляя желание и нужду.

Когда мы, наконец, снова посмотрели друг на друга, у нас было одинаково ошарашенное выражение, с оттенком страха, потому что желание и нужда не исчезнут с этой кульминацией. Они пустили корни в мое нутро и росли в быстром темпе. Это было то, чего я так жаждала и что могло перерасти в одержимость, безумное увлечение или, что хуже... в любовь.

Я вздрогнула, когда он вышел из меня, снял презерватив и выбросил его в мусорную корзину. Вернувшись, он подтянул меня на диване и растянулся рядом со мной. Он провел рукой по моей груди и зарылся ею в мои волосы. Его бедра покоились между моих ног, а его член прижимался к моему бедру. Он обнял меня, и по его тихому дыханию я поняла, что он вскоре уснет. Но прежде, чем он это сделал, он прошептал слова, которые эхом отразились в моей голове, так как мы разделили этот оргазм.

— Мы трахались. И буквально, и фигурально, ибо я знала, что после этого я начну разрушаться.

Кто она?

Ксандер.

Я проснулся. Обнаженный, дезориентированный и в полном одиночестве. Назойливый звук мобильного телефона вырвал меня из сна. Я взглянул на экран и увидел пропущенный звонок от Маркуса. Поглядев на часы, я увидел, что прошло два часа с тех пор, как Эйвери появилась у меня в дверях. Я быстро проверил дом, хотя понимал, что не нашел бы ее здесь. Я заскочил в ванную, прежде чем лечь в кровать вместе с телефоном в руке. Я пытался убедить себя не звонить ей, она уже как полчаса была на работе. Я знал, что больше не усну,

и был немного зол из-за того, что она приехала сюда, перевернула все с ног на голову и ушла, пока я спал. Я нажал на контакт Эйвери и послал ей сообщение:

«Куда ты ушла?»

«Домой.»

Она ответила очень быстро, возможно, она ждала меня.

«Почему?»

«Я живу здесь.»

Умная задница. Я нажал кнопку вызова.

— Привет.

— Почему ты ушла?

— Ты не просил меня оставаться.

— Я бы попросил, если бы не спал в тот момент, когда ты уходила.

— Ты жалуешься на то, что уснул? Это глупо.

— Я не жалуюсь.

Я никогда не переживал по поводу того, что женщины уходили от меня после секса, и мне никогда не удавалось быстро избавиться от них, но сейчас... я был близок к тому, чтобы попросить Эйвери вернуться обратно.

— Ты получил то, что хотел, Ксандер, — сказала она как ни в чем не бывало.

Я знаю, что получил. Но достаточно ли этого? Будет ли когда-нибудь достаточно? С каждым разом потребность в ней только росла. Молчание в телефоне растянулось слишком надолго, но ни один из нас не предпринял попытку отключиться.

— Эйвери, — сказал я, нарушая тишину.

— Да, — ее тон казался мягким, с придыханием, будто она засыпала.

— Я снова хочу тебя трахнуть.

Она застонала. Этот звук привел мой член в состояние полной боевой готовности.

— В следующий раз я собираюсь привязать тебя к кровати, чтобы, когда я проснусь, ты была здесь. Ты будешь моей персональной куклой для траха.

— Вау... ты можешь быть настолько грубым?

— Да, могу. Я ублюдок, который любит говорить пошлости, который любит трахать, и я надеюсь заставить тебя стать такой же пошлой. Ты знаешь... может быть, я испачкаю тебя своим горячим, влажным...

— Ксандер.

— Да?

— Спокойной ночи.

Я улыбнулся тому, как она меня прервала.

— Спокойной ночи, Эйвери.

Я положил трубку. На лице появилась глупая улыбка, а рука уже лежала на члене. Она быстро превратила меня в помешанного на сексе маньяка. В таком случае, она будет лечить меня от сексуальной зависимости, которой я страдаю теперь по ее вине.

Телефон зазвонил прежде, чем я положил его.

— Передумала? — спросил я, ожидая услышать голос Эйвери.

— Ксандер?

Маркус.

— Да. Что случилось? — я принял сидячее положение.

— Я звоню по поводу доктора, которого ты хотел, чтобы я проверил.

- Ты можешь прекратить расследование.
- Быстро ты, — он усмехнулся. — Никогда не перестаю удивляться тобой.
- Заткнись. Мне больше не нужна информация о ней.
- Ты уверен?
- А что? Ты что-то узнал? — я напрягся.
- Ничего.

Я расслабился, перестав сильно сжимать телефон в руке.

- Почему же ты тогда так волнуешься?

— Потому что я *ничего* не нашел. Будто ее не существовало до восемнадцати лет. Мне это не нравится, Ксандер. Любой, кто прилагает массу усилий, чтобы скрыть свое прошлое, опасен, ведь это означает, что ему есть что скрывать.

- Что она могла сделать до своих восемнадцати? Она слишком правильная для чего-то криминального.

— Ты лучше других должен понимать, что, когда ты пытаешься похоронить часть своего прошлого, ты превращаешься в совершенно другого человека.

- Поверь мне, я знаю это, но не Эйвери.

- Ты ослеплен ее киской. Ее вкус, вероятно, еще на твоих губах.

Я усмехнулся, потому что я на самом деле до сих пор ощущал ее на своем языке.

- Хорошо, выясни все, что сможешь.

- Ты не можешь позволить себе сейчас какие-либо сюрпризы. Я дам тебе знать, как только появятся какие-то ответы.

Связь прервалась, и я бросил телефон на тумбочку. Независимо от того, какой секрет она хранила, он не может быть ужаснее моего. И, может быть, если он и существует, то она тогда поймет меня. Теперь я знал, кто она, и это мне понравилось.

~~*

На следующей неделе у нас появился свой установленный порядок. Мы весь день переписывались, она извинялась, что не может приехать, но в десять часов вечера появлялась у моей двери и мы трахались часами. Я искренне полагал, что через неделю или около того я устану от нее. Но я врал себе с самого первого дня. Я чувствовал мощное притяжение к ней, и я заблуждался, думая, что это все из-за того, что я срываю с нее трусики и погружаю в нее свой член.

Тут было другое. Отличающееся от того, что мне нужно по жизни. Раньше я бывал в подобной ситуации. Я знаю те чувства, которые росли у меня к Эйвери. Это было подобно бомбе замедленного действия в моем брюхе.

У меня были проблемы с отношениями и любовью. У меня было много чертовых женщин, но я уходил прежде, чем любовь смогла бы уничтожить меня. Я не был парнем, который увлекался конфетами, цветами и романтикой. Я был ревнивым, сумасшедшим, одержимым. Если все это и дальше так пойдет, то я начну портить Эйвери жизнь.

Я бы предпринял отчаянные меры, чтобы удержать ее. Я знал это. Видел такой поворот событий, но не мог остановиться, так как уже погряз в этом. И поверьте мне...это было так.

В конце недели я уговорил ее пойти со мной на ужин. Я повез ее в заброшенный горный парк, который посещал не раз, когда был моложе. Ее волосы развевались на ветру, а ее правая рука цеплялась за кресло, когда я резко поворачивал свой пикап на отвесных краях дороги. Я протянул руку, провел вверх по ее шее и погрузил пальцы в ее волосы. Она посмотрела на меня обеспокоено.

— Ты можешь смотреть на дорогу?

Я улыбнулся ей, но, все же, положил руку на руль. Когда мы подъехали к небольшому, уединенному месту, она выскочила из машины и, подойдя к ограждению, посмотрела вниз на городские огни.

В парке я расстелил одеяло и разложил ужин, который забрал из кузова пикапа, позаботившись о том, чтобы нам был виден пейзаж. Я помог ей присесть на одеяло, и в ее взгляде мелькнула подозрительность.

— Значит, у тебя есть романтическая сторона? — она сощурилась.

— У меня есть много сторон, в том числе и развращенных, доктор Шоу.

Она приподняла бровь и улыбнулась.

— Уверена, что так и есть.

В основном мы если в тишине, а когда все съели, то откинулись назад — ее спина на моей груди, мои руки вокруг ее талии. За последние десять лет это был самый спокойный вечер в моей жизни.

— Почему ты не вернулся в Калифорнию? Я не говорю, что хочу, чтобы ты уехал, но...

— Так ты хочешь, чтобы я остался?

— Неважно.

Я решил сделать вид, что попался в ее ловушку, и ответил на вопрос.

— Я не соглашался ни на какие сценарии и не планировал ничего последние два года. Я находился в реабилитационном центре, и мне нужно было свободное время.

— Ты выпивал из-за бессонницы?

— Частично. Там она была не такой ужасной, как здесь, но... да, это снимало остроту и позволяло мне забыть.

— Забыть — что?

Я покачал головой. В основном для самого себя, потому что не понимал, почему я не могу просто взять и выложить ей все здесь и сейчас. Она не настаивала, отчего стало легче.

— Ты вырос здесь? — спросила она.

— Да. Я учился в местной школе.

— Я тоже.

— Я уверен, что учился там раньше, чем ты.

— Да, вероятно, это было на пять лет раньше.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— И уже своя собственная практика? Впечатляюще.

— Ну, когда у тебя никого нет, никто не отвлекает, ты сосредотачиваешься на возможности выжить. Поэтому я увеличила нагрузку в процессе обучения, и брала несколько дополнительных занятий в колледже, пока еще училась в средней школе. Когда мне был двадцать один год, я поступила в медицинский институт.

Я присвистнул, а она скромно хихикнула. Я думаю, что впервые услышал от нее такой звук. Это было так беззаботно и откровенно, полностью отличающееся от той сдержанной женщины, которой она обычно была.

Может быть, я должен чаще поить ее вином.

— Это удивительно.

— Ну, у меня была Элли для мотивации.

— Кто такая Элли?

— Она мне как сестра или дочь, в зависимости от того, как на это посмотреть. Мы жили в одном детском доме, и я заботилась о ней.

— Разве у тебя не было семьи, которая приняла бы тебя?

Она покачала головой.

— Нет. Мои бабушка и дедушка умерли, а тетя слишком много работала, чтобы заботиться обо мне.

— Сколько лет тебе тогда было?

— Пятнадцать.

— Мне очень жаль, что ты осталась одна. Наверное, тяжело тебе было.

Она поерзала, посмотрела на меня и пожала плечами, в ее глазах я заметил легкую печаль. Резкий контраст ее рыжих волос с пронзительными голубыми глазами каждый раз поражал меня. Я проглотил все, что она заставляла меня чувствовать. Если бы я мог, то отказался бы от этого. Она протянула руку и провела пальцами по моим бровям, лицу, челюсти.

Ее взгляд с полуприкрытыми веками упал на мои губы. Она наклонилась ко мне. Ее губы были мягкими и податливыми, пока она целовала меня, язык агрессивно заскользил по моему. Я застонал, так как не мог больше дожидаться того момента, когда ее язык закружит по моему члену. Если ее поцелуи были неким намеком на то, что она может сделать своими губами, то я бы кончил в ее горло в рекордно короткое время.

Она прервала поцелуй и посмотрела на меня с тем же выражением на лице — потрясения и удивления — после которого все, с огромной вероятностью, перерастает в трах.

— Ксандер? — тихо позвала меня она.

— Да? — я пропустил ее шелковистые волосы через свои пальцы.

— Что мы делаем?

— Понятия не имею, что происходит, — признался я, после чего откинулся назад и принялся пожирать ее рот с интенсивностью, которая была подобна огню, полыхающему между нами. Если бы она не отстранилась, то я бы трахнул ее прямо здесь, позади грузовика, под луной, на фоне городских огней. Но я приехал сюда не для этого. Я хотел дать ей что-нибудь помимо секса. И хотя это шло вопреки той хрени, в которую я верил, но я пытался строить отношения. Так что я просто натянул на нас одеяло, и мы провели следующие два часа, разговаривая обо всем, за исключением того дня. Она, похоже, ничего не скрывала, и я был уверен, что она именно такая, какой я ее считал.

Кто он.

Эйвери

С того самого дня, как я впервые появилась у дверей Ксандера, мы стали неразлучны. Сколько раз я просыпалась утром и говорила себе, что проведу хотя бы день без него, однако все равно оказывалась в его постели.

Он понемногу начал мне открываться, рассказал, каким он был, пока рос как сына мэра. Как сильно он скучал по своему отцу и как был близок со своим братом, пока не покинул город. Он рассказал о своей матери, что она была его миром, что он провел большую часть

своей жизни с ней. Он рассказал мне о переезде в Калифорнию, о том, что ему потребовалось четыре года, чтобы получить роль в небольшом фильме, и с того момента к нему пришел успех. Он даже рассказал мне о реабилитации и общении с прессой.

Ксандер рассказал обо всем. Обо всем, кроме того, что не отпускало его ночью. Каждую ночь я проводила в его усадьбе, и в половине случаев он просыпался в холодном поту. Другую половину он не спал вообще. Я подозревала, что то, что вызывало его бессонницу, и то, что преследовало его несколько лет назад, было одним и тем же, потому что это единственное, о чем он не говорил, а я не давила на него. Пока. Кроме того, я уверена, что понимаю, кто он.

Раздался стук в дверь, и Мэтт просунул голову в мой кабинет.

— У тебя есть минутка?

— Конечно. На сегодня я закончила.

Он вошел, закрыл дверь и занял кресло напротив меня.

— Итак, ты в последнее время редко здесь появляешься.

— Нет. Я провожу здесь все свои сеансы, — я знала, что это был намек на мои отношения с Ксандером, но я его проигнорировала.

— Как у вас с кинозвездой дела? — он пошевелил бровями, и я улыбнулась ему.

— Не так плохо, как я ожидала.

— Я уверен, что ты ожидала смерть и мрак.

— Скорее страдания и разрушение.

Он прищурился.

— Разве ты уже отдала ему свое сердце?

Я пожала плечами. Последнее, что я хотела сделать, так это признать, что между мной и Ксандером появляются некие чувства.

— Я посоветовал тебе просто потрахаться, но, если дело касается твоего сердца... будь осторожна.

— Ты уверен, что ты врач? Я начинаю сомневаться. Позволь мне взглянуть на твой сертификат.

— Что? Я посоветовал тебе заняться сексом, расслабиться. Но не влюбляться.

— Мэтт, это то же самое, если бы ты разрешил двухлетнему ребенку играть с набором ножей и просил бы его быть осторожным, чтоб не порезаться.

— Значит, ты запала на него.

Я закатила глаза.

— Если какая-нибудь женщина и могла заниматься сексом без эмоций, то это наверняка была бы ты.

— Почему?

— Мы были вместе на протяжении двух лет. Секс был отличным, но без эмоций.

— Получается, ты думал, что я ни на что не способна.

— Нет. Я просто думал, что это займет гораздо больше времени, чем несколько ночей секса, чтобы твое сердце заколотилось.

— Ну, оно еще не заколотилось. Позволь просто допустить, что оно трепещет.

— Без разницы. Я пришел сюда не для того, чтобы разговаривать о твоей сексуальной жизни.

— Тогда зачем ты пришел?

— Я видел Элли прошлой ночью.

— Хорошо... Она большая девочка, Мэтт.

— Да, но она вела себя странно, а затем попросила, чтобы я не рассказывал тебе.

— И ты тут же подрываешь ее доверие к себе.

— Я знаю ее с четырнадцати лет. Я видел ее с группой пьяных юнцов в центре в два часа ночи, вот и рассказал тебе об этом.

— Она была пьяна?

— Выглядела трезвой... но ее друзья... Ты знаешь, какими сумасшедшими бывают эти студентки колледжа.

— Я не знаю.

— Ах, да, верно. Когда мы учились в колледже, ты была на вечеринке всего один раз. И даже не пила.

— Я была сдержанной.

— Ты была напряженной. До сих пор такая.

— Если ты закончил заниматься моим психоанализом, то я, пожалуй, пойду. У меня свидание.

— Ох... ну, не хочу тебя задерживать, — он встал и подождал, пока я соберу свои вещи, а потом проводил меня до машины. Ксандер ждал меня в своей усадьбе, а я должна еще заехать домой переодеться.

Семейные связи

Ксандер

— Ксандер, я не могу.

Я потянул Эйвери за руку, поднимаясь по лестнице. Когда мы проснулись утром, я сказал ей, что хотел бы, чтобы она поехала со мной к моей матери, а она почти сбежала. Было воскресенье, и единственным способом заставить ее провести весь день со мной было привезти ее на ужин в дом моей мамы. Пять недель, и я уже готов познакомить ее с матерью. Я в заднице.

— Поверь мне, она полюбит тебя.

Она покачала головой.

— Ты не понимаешь. Я никогда не делала ничего подобного.

— Чего? Не знакомилась с чьей-нибудь мамой? — я удивился, потому что это и впрямь было не таким уж великим делом.

— Не знакомилась с мамой парня, с которым встречаюсь. Я не знаю всех этих родительских штук.

Я притянул ее к себе и обнял.

— Мы ей скажем, что ты мой друг. Никакого давления.

Эйвери начинала расслабляться, но вдруг услышала, как моя мама открыла дверь позади нее, и снова напряглась.

Во всяком случае, было уже слишком поздно для побега. Она отстранилась и обернулась.

— Мама, это Эйвери. Это моя мама...

— Сюзен, — закончила Эйвери. В этот момент я заметил шок на лицах обеих. Моя мама пришла в себя немного раньше.

— Ксандер, ты не говорил мне, что знаком с Эйвери, — она подошла к Эйвери и обняла ее так, будто они были друзьями, которые давно не виделись.

— Ты тоже.

Когда она отпустила ее, Эйвери посмотрела на нее и неуверенно заговорила.

— Как?.. Ты никогда не говорила мне, что у тебя...

Она покачала головой и, казалось, не могла поверить в это.

— Я скучала по тебе, дорогая. Как ты?

— Все хорошо, — Эйвери все еще выглядела немного потрясенной, когда моя мама потянула ее в дом.

— Входите, входите. Ужин будет готов через час.

Я наблюдал за мамой, когда она повела Эйвери в гостиную и обещала, что они поболтают позже. Она заметно нервничала, и судя по тому, как она торопилась на кухню, она что-то скрывала.

Я сел напротив Эйвери. Она выглядела растерянной.

— Откуда ты знаешь мою маму?

— Она друг семьи... по крайней мере, она говорила именно так.

— Когда она тебе такое говорила?

— Много лет назад. После того, как мои родители умерли. Никто не приходил ко мне, но твоя мама однажды появилась в детском доме и сказала, что она была другом моих родителей. Ей не понравилось место, где я жила, поэтому она перевела меня в другое, более безопасное, и навещала каждый месяц.

Она посмотрела на меня, закусив губу.

— Ксандер, твоя мама была единственным человеком, который всегда был за меня, а теперь... я понимаю, что ничего о ней не знаю.

Я встал и присоединился к ней на диване. Я откинулся назад, а она положила голову мне на грудь.

— Я имею в виду... она была рядом на протяжении одиннадцати лет, а я даже не знала, была ли она замужем или были ли у нее дети.

— Может быть, она специально скрывала это от тебя?

Она выпрямилась и посмотрела на меня.

— Ты думаешь, она не хотела, чтобы кто-то узнал обо мне?

Дерьмо. Я не должен был произносить это вслух. Я не знаю, почему Эйвери была тайной моей матери, но судя по выражению ее лица, она не ожидала, что кто-нибудь из нас узнает об Эйвери когда-либо, тем более будет с ней в отношениях.

— Нет, я так не думаю. Иди сюда, — я снова притянул ее к себе и обнял. — Я рад, что она помогала тебе, когда у тебя были трудности. Она замечательная, когда находится на твоей стороне.

— Я знаю, — она вздохнула. — Но здесь что-то не так, Ксандер. Она сказала мне, что ее фамилия Рейнолдс, и практически ничего не рассказывала ни о тебе, ни о своей семье.

— Рейнолдс — девичья фамилия мамы, — мои подозрения возрастали. Теперь я был

точно уверен, что она что-то скрывает, но я не хотел, чтобы Эйвери думала об этом, пока я сам не узнаю, что именно.

— Давай я покажу тебе дом. Мы все выясним позже.

Я поднял ее с дивана и повел по дому, который теперь, после смерти отца, казался слишком пустым.

~~*

К ужину напряжение не спало. Мы сели за стол, и воцарилась жуткая тишина. К концу ужина мне надоело ждать, когда же моя мать заговорит, поэтому я сам нарушил тишину:

— Итак, мама, ты знала родителей Эйвери?

Она замерла, не успев поднести вилку ко рту, и уставилась на меня.

— Мы были друзьями... в молодости.

После чего продолжила есть. Однако ее туманный ответ посеял во мне еще больше подозрений.

— Почему никто из нашей семьи никогда не встречал ее?

Она уронила вилку и встала из-за стола.

— Ну, вы же занятые ребята. Тебя, например, вообще не было дома много лет.

Она собрала пустые тарелки и поспешила в кухню. Я взглянул на Эйвери, она смотрела на меня недоумевающим взглядом, который выражал именно то, что чувствовал в данный момент я сам.

— Я сейчас вернусь, — я отодвинул свой стул, уронив салфетку на пол, и последовал за мамой на кухню.

Она загружала посуду в посудомоечную машину, а затем вытаскивала пирог из духовки, всем своим видом показывая, что не замечает, как я за ней наблюдаю.

— Что это было, мама?

— Ты это о чем, дорогой? — я поймал ее за руку, когда она попыталась выйти из кухни, и развернул к себе лицом.

— Ты молчишь и нервничаешь с тех пор, как Эйвери приехала сюда. Я знаю тебя, мама. Что происходит?

Она вздохнула и опустила голову. А когда снова посмотрела на меня, то показалась мне менее скрытной, хотя все еще взволнованной.

— Просто будь внимательнее, Ксандер. Она через столько прошла... не надо, не причиняй ей боль.

Я отпустил ее руку и отступил.

— Ты на самом деле думаешь, что я могу ее обидеть?

— Нет, нет, — она шагнула вперед, стараясь дотянуться до меня, но я увернулся от ее прикосновения. — Я знаю, что ты никогда намеренно не причинишь ей боль... Я просто... — она снова вздохнула.

— Да уж. Наверное, нам лучше уйти.

Она была единственным человеком, который поддерживал меня, и мне не понравилось то, что я почувствовал после этого разговора.

— Нет, оставайтесь хотя бы на десерт.

— Я не знаю, мам.

— Пойдем, — она взяла пирог и вышла. Я последовал за ней, но едва взглянул на десерт, пока мама и Эйвери разговаривали о ее работе и соседке по комнате по имени Элли.

Моя мама, очевидно, знала все о жизни Эйвери.

Эйвери доедала десерт, а я мысленно разрабатывал план побега, когда произошло самое худшее... вошел Йен.

— Меня не пригласили на ужин.

Нервный холодок пробежался по моей коже. Дерьмо в любую минуту могло выплеснуться и погубить все. Йен посеял панику уже просто из-за того, что я приехал в город.

Мама говорила, что ему не повезло с несколькими женщинами, которые работали в клубе, где он был вышибалой. Просто у Йена была та судьба, которая могла бы ожидать меня.

Он отрезал кусок пирога и медленно сел во главе стола, рядом с Эйвери. Он посмотрел на нее, сузил глаза и спросил:

— Ты кто?

— Это Эйвери, милый. Она врач. Практикуется здесь, в городе, — моя мама ответила быстрее меня. Я был уверен, что она поступила так потому, что знала, каким непредсказуемым человеком может быть Йен.

Он ел пирог вилкой и продолжал смотреть на Эйвери.

— Мы должны... — начал я, но Йен прервал меня.

— Какой ты доктор?

— Йен, — предостерегла его мама.

— Что? Я не могу задать вопрос? — развел он руками.

— Я предупреждаю...

Эйвери положила руку на мое бедро и обнадеживающе посмотрела на меня.

— Все нормально, — сказала она, прежде чем обратиться к Йену. — Я психиатр.

Он вскинул брови, помолчал, а потом, откинув голову, рассмеялся.

— Если ты думаешь, что сможешь спасти моего брата... — он кивнул в мою сторону, — то это невозможно. Он был испорченным слишком долго.

— Заткни пасть, Йен! — я вскочил со своего места и практически кинулся на него через стол. — Ты сам не безупречен, поэтому отвали! — я ткнул пальцем в него, прежде чем схватить Эйвери за руку и поднять ее.

— Мы уходим, — я потащил Эйвери за собой, даже не взглянув на нее. Я знал, что она захочет узнать, что происходит, и мне надо понять, готов ли я рассказать ей об этом.

— Спокойной ночи, Сьюзен. Спасибо за ужин, — крикнула она, прежде чем мы вышли за дверь. Я не смогли выбраться оттуда достаточно быстро.

Молчание в машине душило и заполняло ее страхом. Через десять минут Эйвери заговорила:

— Ксандер...

— Не надо! — я предполагал, что она начнет задавать вопросы, и быстро остановил ее. Она сжала кулаки и, отвернувшись, уставилась в окно.

Я провел рукой по волосам, дернув за пряди. Я не хотел кричать на нее. Я просто не знал, что ей сказать. Потянувшись, я взял ее сжатый кулак в свою руку и попытался заставить ее расслабиться.

Она посмотрела на меня, гневно, с огнем в глазах. Она пыталась заставить меня открыться ей с самой первой нашей встречи, и я не хотел, чтобы она разочаровалась во мне.

— Прости. Просто не надо, ладно?

Она кивнула и снова повернулась к окну.

~~*

Когда мы вернулись ко мне, Эйвери последовала за мной в спальню и наблюдала, как я нервно срываю с себя одежду.

— Я, наверное, пойду.

— Нет, — я не хочу, чтобы она ушла и отделилась от меня. Я давно дал ей понять, что есть вещи, о которых я не могу ей рассказать.

— Мы можем поговорить об этом?

— Нет, — я начал снимать свои боксеры. Она отвернулась.

— Если ты не можешь открыться мне, значит, я не могу остаться, — она двинулась в сторону двери, но я схватил ее за руку и притянул к себе. Ее спина прижалась к моей обнаженной груди; мой член прижался к ее заднице.

— Я не хочу говорить, — я поцеловал ее в шею. Она вздрогнула. — Я даже не хочу думать. Я просто хочу трахнуться. — Я потянул молнию ее платья вниз, одновременно целуя ее плечо.

— Ты можешь помочь мне забыть, Эйвери. Потому что сейчас я нуждаюсь в этом.

— Это ничего не решит, — ее тон был холодным, но она таяла в моих объятиях.

— Я знаю, — я не собирался ничего решать сегодня. Я пытался забыть. Ее платье соскользнуло с плеч и упало на пол. Я подхватил ее на руки и отнес на кровать. Она, отодвинувшись к спинке, наблюдала, как я раскатываю презерватив на своем члене. Я хотел трахнуть ее без презерватива, но было еще не время. Она провела рукой по моей груди, сдерживая меня, когда я подполз к ней, чтобы она смогла сказать последнее слово.

— Рано или поздно тыпустишь меня.

— Поздно, — я оттолкнул ее руку, спустил лифчик и засосал один из ее сосков своим ртом. Она выгнулась, постанывая и извиваясь. Этим я мог управлять. Я хотел лизать, сосать и ебать ее весь день, если такое вообще возможно. Но когда я думал о том, чтобы поговорить с ней о своем прошлом, единственное, что я видел, — как она уходит от меня. А это было не вариантом. Я разорвал ее трусики и скользнул пальцем по ее влажной щелке, наблюдая, как она теряет самообладание, потираясь о мою руку и тихо всхлипывая. Я избавился от остатков ее трусиков, погрузив свой язык в ее рот.

Мой член был жестким, и мне нужно было овладеть ею. Было неправильным затягивать ее в то болото, в котором пребывал я сам, но я был эгоистичным ублюдком и нуждался в ней. Я хотел запечатлеть себя в ней так глубоко, чтобы она никогда не смогла избавиться от отпечатка, который я оставил. Я потерялся своим членом о ее влажное влагалище, и это заставило ее умолять меня.

— Пожалуйста...

Она издала самый сладкий звук, когда я толкнулся в нее. Я забросил ее ноги на свои руки, придавив всем телом, так, чтобы она чувствовала меня везде. Она обхватила меня руками за шею и впилась в нее ногтями в надежде найти опору, пока я трахал ее.

Я отчаянно желал, чтобы она удерживала меня, царапала. Это граничило с моей жадностью обладать ею.

Ее киска была горячеей, мокрой и сжимала меня, но я сосредоточился на ней. На ее выражении лица, звуках, которые она издавала, ее отчаянных толчках навстречу моим. Я засосал ее шею, желая оставить отметку на ее коже. Она дернулась и закричала.

— Ксандер! О, черт... Да-а-а!

Ее киска сжалась вокруг моего члена. Ее оргазм запульсировал, вытягивая мой из меня. Это потрясло меня, пока я кончал. Это было грубым, грязным заявлением, но это именно то, что мне было нужно, чтобы почувствовать себя уверенным в себе. Самое любопытное, что я попытался заявить права на нее и был уверен, что она только что заявила права на меня. Я упал на нее, содрогаясь, мои бедра продолжали двигаться непроизвольно, и ее сжимающаяся киска выжала из меня последние капли оргазма.

Казалось, прошли часы, прежде чем я вышел из нее, завязал презерватив и бросил его в мусорную корзину.

Когда я вернулся, то подмял ее под себя и через несколько минут уснул.

В какой-то момент я почувствовал, что она зашевелилась подо мной. Я протянул руку и поймал ее запястье, когда она уже встала. Она посмотрела на меня и попыталась вырваться.

— Мне просто нужно в ванную. — Хрен ты меня оставишь, — полусонно пробормотал я. Она кивнула, и я неохотно отпустил ее руку и задремал.

Карточный домик.

Эйвери.

Я вернулась домой в два часа ночи. Распахнула входную дверь, толкнув ее, закрыла за собой и сняла обувь. Опустившись на стул в прихожей, я закрыла лицо руками.

У меня голова шла кругом — я полностью отклонилась от курса и потеряла контроль. Я не могла свыкнуться с мыслью, что моя Сьюзен была мамой Ксандера. Я никогда не совала нос в ее жизнь, никогда не спрашивала о ее детях и муже. Она всегда была скрытной — никогда не произносила ни одного имени. Всегда были "*мой сын*" и "*мой муж*". Я была благодарна ей за то, что она для меня сделала, поэтому никогда не стремилась узнать больше.

Ощущение того, что от меня что-то скрывают, усилилось, когда появился Йен. Не нужно было говорить, что он брат Ксандера, сходство было поразительным. Единственное отличие было в том, что Ксандер крупнее, а у Йена волосы более светлые.

Что-то ужасное случилось в этой семье, и я боялась узнать правду.

Я подпустила к себе Ксандера слишком близко, но я не смогу справиться с предательством людей, которым доверяю. Даже Сьюзен была другой — нервной и испуганной — будто бы то, что мы с Ксандером вместе, было ее худшим кошмаром. Она сделала все, что могла, чтобы убедиться, что я не узнаю, кто ее муж и дети. Я просто не могла понять зачем.

Я услышала звук подъезжающего автомобиля и выглянула посмотреть, кто это, но фары уже потухли. Я надеялась, что это Элли. Она стала приходить домой чаще, хотя и очень поздно. Но теперь она по крайней мере приходила домой. В дверь постучали, и через прозрачную стеклянную дверь я увидела Ксандера. Он стоял там, засунув руки в карманы. Его волосы были растрепаны, а взгляд глубоких глаз был хмурым, что несколько портило его лицо.

Я смотрела на него, но не была уверена, что хочу впустить его, потому что чем дальше я впускаю его в свою жизнь, тем больше он сможет мне сделать. Он кивнул в сторону двери, подавая мне знак, чтобы я открыла ему, но я не могла сдвинуться с места. В моей натуре было заставить людей открыться мне, чтобы я смогла помочь им. Ксандер был

запечатанным наглухо склепом, и если он не мог впустить меня, то почему я должна делать это?

Он вытащил руку из кармана и провел ею по волосам, повернувшись к двери спиной. Он стоял там застывший — так же, как и я. Это было настолько неожиданно, что потрясло нас обоих. Одно я знала наверняка — если я открою эту дверь, то мое сердце сделает то же самое. Это был решающий момент. Момент, когда я смогла бы еще уйти без сильных потрясений, или момент, когда я открою дверь для Ксандера, такого, какой он есть, приняв все его секреты. Секреты, которые преследовали его по ночам и сделали его семью беспокойной.

Спустившись с небольшого лестничного пролета, он подошел к своей машине и встал возле нее. Он не уезжал. Просто прислонился к машине и уставился на мою входную дверь, склонив голову и засунув руки в карманы.

Мой мозг приказывал мне отвернуться, но все остальное во мне кричало, чтобы я открыла дверь, и, долго не думая, я это сделала. Я отперла дверь и сделала шаг назад, ожидая его. Мгновение он просто смотрел. Казалось, что он боролся с тем же самым, с чем и я, чтобы уйти. В конце концов, он сдался, так же, как и я, и вошел в дверь. Он выглядел уверенным и победившим. Он остановился в нескольких дюймах от меня и посмотрел мне в глаза. Его зеленые зрачки больше походили на яростно-серые в тусклом освещении. Его руки все еще засунуты в карманы, и выглядел он так, словно боялся прикоснуться ко мне.

— Почему ты ушла? — прошептал он хрипло. Я знаю, что сказала ему, что не уйду, но мне нужно было свободное пространство.

— Ты никогда не откроешься мне.

— Откроюсь. Ты просто должна дать мне время, — он наконец вытащил свою руку из кармана и провел ею по лицу. — Позволь мне сделать это, когда я буду готов.

— Это причинит мне боль?

— Я просто хочу, чтобы ты узнала меня с хорошей стороны, прежде чем я расскажу тебе нечто отвратительное.

Я протянула руку и коснулась его лица, щетина на его подбородке царапнула мою ладонь.

— Я видела твою хорошую сторону. То отвратительное, что было в твоём прошлом, не изменит того, какой ты сейчас.

Он фыркнул.

— Я собираюсь овладеть тобой сейчас.

Обвив мою талию руками, он притянул меня к себе и накрыл мои губы своими.

Сначала поцелуй был сладким и испытующим — нежное полизывание и мягкое покусывание на моих губах. Но, как обычно, между нами происходит "химическая" реакция, как только мы прикасаемся друг к другу.

Наш сладкий, нежный поцелуй превратился в животный. В поцелуй, который был настолько диким, что никто из нас не мог контролировать его. Его язык с жадностью двигался по моему, стремясь получить удовольствие, которое насытит нас и оставит опустошенными.

Моя спина ударилась о стену. Его пальцы впились в мои бедра, когда он поднял мои ноги и закинул себе на бедра. Его эрекция была напротив моей киски, и я знала, что я воспламенюсь от нескольких искусных толчков его бедер. Его губы скользили по моей шее,

кусали, засасывали. Он всегда был одержим тем, чтобы пометить меня. Поэтому он даже не услышал, как дверь открылась, и не сделал ничего, чтобы остановиться.

Я толкнула его плечом, в то время как Элли стояла неподвижно в полнейшем шоке.

— Ксандер.

— Не вынуждай меня остановиться, детка.

— Ксандер, — он отстранился и посмотрел на меня глазами, остекленевшими от возбуждения.

— Что?

— Элли дома.

Удивление на ее лице было вполне ожидаемо, так как она никогда не видела меня такой страстной с мужчиной.

Ксандер.

— Элли дома.

Я не мог сосредоточиться ни на чем, кроме своего жесткого члена и желания трахнуть ее.

Когда мы трахаемся, мы связаны. Это был единственный момент, когда мы оба убрали наши стены, и я знал, что она была моей, независимо от того, доверяла она мне или нет. Поэтому когда она сказала мне, что ее так называемая сестра, или дочь, или кем бы она ни была, дома, это не сразу дошло до меня.

— Угу... — пробормотал я и зарылся лицом в изгиб ее благоухающей шеи.

— Ксандер, остановись!

Я вздохнул и медленно отстранился от нее, но взглядом пообещал ей, что мы скоро продолжим с того момента, где остановились.

Элли откашлялась, и я обернулся к милой, невинно выглядевшей блондинке, которая смотрела на меня настороженно.

— Элли, это Ксандер Пирс. Ксандер, это Элли.

Она шагнула вперед и протянула руку, но я просто продолжал смотреть ей в лицо. Я наконец-то нашел то, что мне было нужно, — в Эйвери. Я искал это на протяжении десяти лет. Но я осознал, она — именно то, чего я не могу иметь. Мое прошлое тяготило меня, и я не знал, будет ли она в состоянии смириться с моей правдой, худшей, чем это...

Оказывается, самым важным человеком в жизни Эйвери была стриптизерша, которую я встретил, когда в первый раз приехал в город. Элли — именно та девушка, которая дала мне эту визитку, девушка, которую я трахал в течение месяца, прежде чем встретил Эйвери. Элли — это полуголая Габриэлла с растрепанными волосами.

Мысли, которые давно покинули мою голову, стали возвращаться, вместе с тем возвращая меня к старым привычкам. Я уже разработал план, потому что мне было необходимо удержать Эйвери.

"Когда ты найдешь то, что ищешь, тебе придется упорно бороться, чтобы удержать это."

Слова моего отца всплыли в моей голове. Но шансы были не в мою пользу. Наши отношения стали формально карточным домиком, который сможет разрушить даже слабый ветерок.

Габриэлла — это *торнадо*, и все вокруг меня начало рушиться, затягивая ее мощным

вихрем. Единственное, что могло спасти меня от разрушения — Эйвери с ее ослепительным светом в моих объятиях, и при этом *удерживая* ее рядом с собой.

~*~*Конец 1 книги*~*~

Больше книг на сайте - Knigolub.net